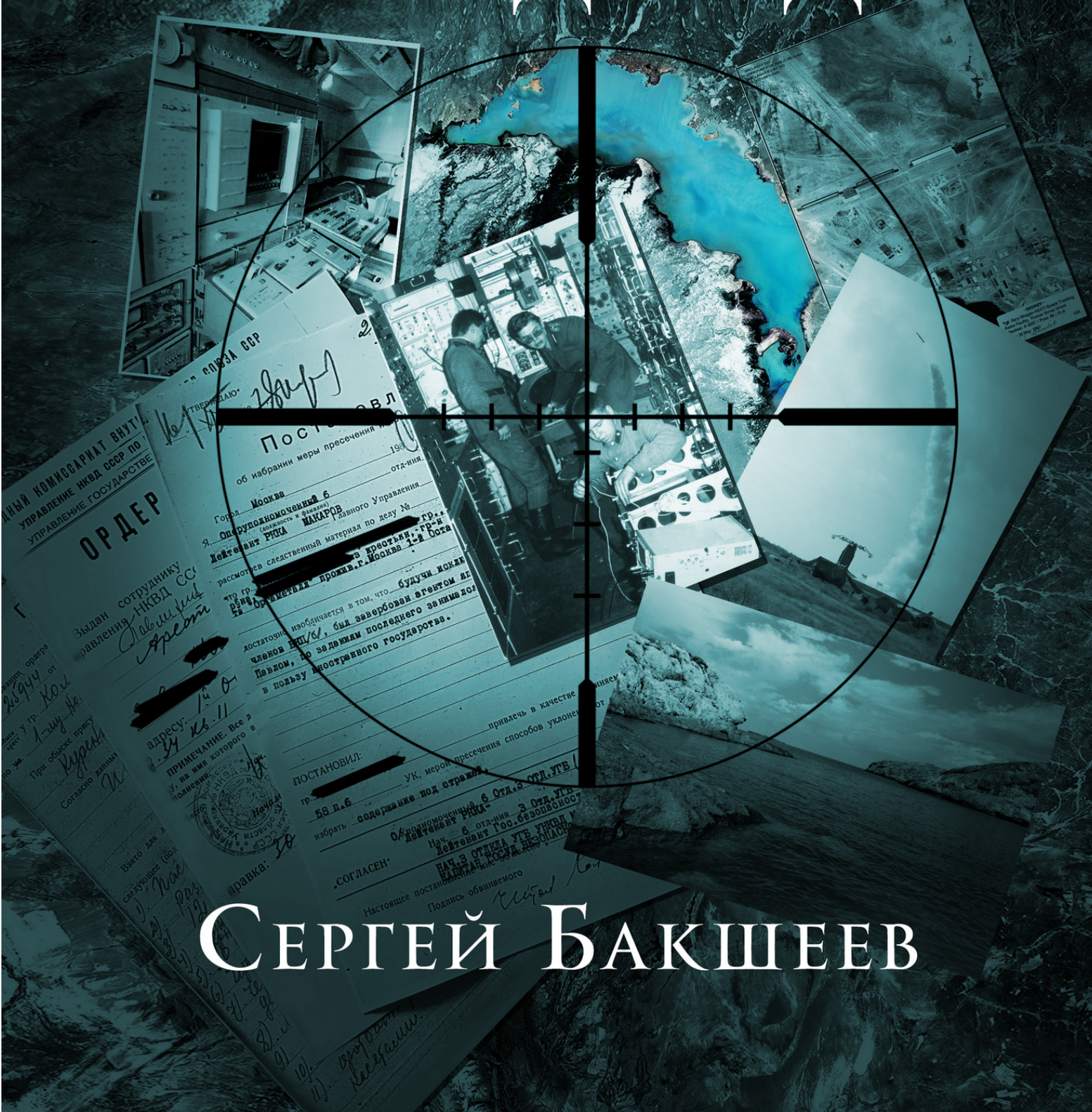

ОПАСНЫЕ ТАЙНЫ ШПИОН ИЗ-ПОД ВОДЫ

СЕРГЕЙ БАКШЕЕВ

Опасные тайны

Сергей Бакшеев

Шпион из-под воды

«Автор»

2011

Бакшеев С. П.

Шпион из-под воды / С. П. Бакшеев — «Автор»,
2011 — (Опасные тайны)

Смерть друга таит загадку. Заколов уверен, что произошло убийство, и готовит ловушку для преступника. Но враг оказывается хитрее. Он где-то рядом, но как вычислить его, если даже неизвестно, мужчина это или женщина? А вдруг, это раскрепощенная девушка, которая увлекла Заколова в пучину страсти. Это шестой роман серии «Опасные тайны Тихона Заколова».

© Бакшеев С. П., 2011

© Автор, 2011

Содержание

1. Семь месяцев до основных событий	6
2. Два дня спустя	8
3. Москва-Камбала	12
4. Встреча	16
5. Госпиталь	21
6. Спецтруссы	23
7. Ночное купание	26
8. В городе действует шпион	33
9. НИЧ	36
10. Незаконное подключение	38
11. Материнское горе	41
12. Невосполнимая утрата	45
13. Двойное убийство	47
14. Западня	51
15. Ночная погоня	53
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Сергей Бакшеев

Шпион из-под воды

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

1. Семь месяцев до основных событий

Субботний январский день выдался ясным, морозным и безветренным. Под ногами сухо поскрипывал выпавший накануне снег. Военный прокурор, полковник Петр Васильевич Заколов, пребывал в благодушном, если не сказать, лирическом настроении. Он убедил жену оставить на время домашние хлопоты ради неспешной прогулки вдоль высокого берега замерзшего озера Балхаш. После дерганой служебной недели полковнику хотелось на свежую голову проанализировать подозрительные факты, имевшие место в последнее время на военном полигоне.

Воспользовавшись благоприятной погодой, более дюжины рыбаков склонились над лунками на крепком льду озера. Большинство были одеты в армейские тулупы, бушлаты и валенки, и только военные летчики выделялись меховыми куртками, кожаными штанами и унтами. Рядом с наиболее удачливыми рыбаками на заснеженном льду блестели крупные тушки сазанов и судаков. Бескрайняя белая поверхность искрилась в лучах полуденного солнца.

– Посмотри, какая красота. Нам надо чаще выходить из дома. Мороз и солнце, голубое небо и белый простор, – бодро вещал полковник и активно жестикулировал растопыренными ладонями.

– Летом лучше, – скептически отвечала супруга, кутаясь в воротник из чернобурки. Она по-хозяйски прикидывала, если прогулка затянется, то запланированную стирку придется отложить на завтра.

Нарастающий аэродинамический свист отвлек полковника от беседы с женой. Придерживая каракулевую папаху, он посмотрел вверх. Со стороны испытательного полигона на озеро неестественно медленно пикировал истребитель МИГ-21. Его двигатель не работал, а треугольное крыло заваливалось набок. Самолет резко терял высоту, устремляясь острым носом прямо на рыбаков. Те не обращали внимания на тихий гул над головой, небо над городом постоянно бороздили военные самолеты. Неуправляемая боевая машина устрашающе приближалась. Вот-вот должна была произойти ужасная катастрофа.

Что с летчиком? Почему он не пытается спасти самолет?

Истребитель накренился, кончик крыла снес макушку высокого дерева. МИГ-21, блеснув фюзеляжем, с тонким свистом пронесся в трех метрах над полковником. Женщина испуганно прижалась к мужу и беспомощно взвизгнула, а прокурор отчетливо разглядел пустую кабину пилота, оснащенную дополнительным оборудованием. Это самолет-мишень, потерявший управление, понял он. Однако спокойнее ему не стало. Никто не сможет отвести мертвый истребитель от скопления людей.

Самолет гулко грохнулся в озеро рядом с рыбаками, пробил носом толстый лед, на мгновение застрял в нем и ухнул под воду. Одновременно с тараном избыточное давление воды выплеснуло из окружающих лунок многометровые фонтаны. Ледяные гейзеры холодными щупальцами накрыли рыбаков. Тем, кто особенно бдительно следил за леской, водяной удар пришелся прямо в лицо. Безжалостные струи опрокинули их на спину. Ошарашенные мокрые люди пялились на вздыбленные куски льда, между которыми исчез хвост истребителя.

По счастью сверхзвуковой самолет-мишень никого не задел. Обледеневшие с ног до головы фигуры рыбаков, хрустя ледяной коркой, поплелись на берег. Прокурор понял, что его выходные закончились. Предстояло расследование новой катастрофы военной техники, очередной в цепи странных случайностей последнего времени. Не слишком ли много совпадений? Проницательного полковника не покидала мысль, что за трагическими событиями может стоять не слепой случай, а умный коварный режиссер.

Озабоченное выражение лица военного прокурора не укрылось от напряженных глаз, следивших издали сквозь мощный бинокль. Торжествующая улыбка сменилась беспокой-

ством. Наблюдатель уважал умных противников. Это повышало собственную самооценку. Особенно после их физического устранения.

2. Два дня спустя

Начальник «советского отдела» ЦРУ Майк Уэст направлялся в кабинет директора Управления внешней разведки Джеймса Макферсона в приподнятом настроении. Ему было чем порадовать босса. Майк всегда ассоциировал себя с бегуном на длинные дистанции. Ему претил скоропалительный успех выскочек. Только многолетний планомерный труд, в представлениях Майка, способен привести к действительно выдающемуся результату. Как при размещении личного капитала Уэст предпочитал надежные долгосрочные программы, так и на службе он зачастую предпринимал действия, которые могли принести весьма смутный эффект в отдаленном будущем. Но руководство любой организации больше всего ценит тех, кто дает мгновенный результат, пусть даже не особо яркий и значительный. Поэтому продвижение Майка по служебной лестнице шло с большим скрипом. Его боссы часто были моложе его. Однако сейчас располневший и полысевший Майк ощущал себя на коне. Его необычные усилия пятилетней давности были полностью вознаграждены.

Майк Уэст вальяжно улыбнулся секретарше директора, сделал ей фривольный комплимент, смело ощупав взглядом пышный бюст под тонкой блузкой, и небрежно кивнул в сторону кабинета босса:

– Я к Джеймсу.

– Он вас ждет, мистер Уэст. – Губастая секретарша одарила пожилого начальника отдела благожелательной улыбкой. Она чувствовала настроение босса и догадывалась, что сегодня ему принесли хорошие новости.

Майк разгладил разросшиеся седые брови, торчащие над дужками старомодных очков в тонкой позолоченной оправе, и прошел через узкий тамбур в один из самых важных кабинетов наиболее влиятельной разведки мира. Директор Управления сидел во главе Т-образного стола, заставленного всевозможными средствами связи, и просматривал бумаги из тонкой кожаной папки. Уэст поприветствовал босса и замер в нерешительности между длинным столом и мягкими креслами в углу. В зависимости от того, куда ему предложат сесть, можно угадать характер предстоящей беседы.

Джеймс Макферсон оторвался от бумаг, расплылся в голливудской улыбке и указал на кресла. Значит, разговор будет носить неформальный характер. Это подтвердил и приказ секретарше. Макферсон ткнул палец в селектор и, не дожидаясь ответа, продиктовал:

– Два кофе без кофеина, пожалуйста.

Начальник отдела дождался, когда подтянутый моложавый директор Управления, неизменно выглядевший так, будто только что вернулся из парикмахерского салона, плюхнулся в кожаное кресло, и только после этого сам опустился в соседнее, отделенное от боса низким стеклянным столиком.

– Докладывай, Майк, – шевельнул пальцами босс.

Уэст, только и ждавший этого момента, решил начать с главного.

– Испытания русскими зенитно-ракетного комплекса С-300 полностью провалились. Наш агент Игла сумел испортить систему наведения. Все ракеты прошли мимо целей. По нашим оценкам это затормозит реализацию проекта еще на год.

– Отличная работа, Майк. Надеюсь, за это время наши ученые-остолопы продвинутся в разработке системы «Пэтриот». Пока они безнадежно отстают от русских, а миллионы долларов исчезают в их лабораториях со скоростью Карибских ураганов.

Секретарша принесла кофе. Перед директором Управления она наклонилась гораздо ниже, чем перед начальником отдела. Майк прикоснулся платком к вспотевшей лысине и подумал, если он успел разглядеть модель ее бюстгалтера, то, что же наблюдает босс.

Когда пьянящий источник французского парфюма, покачивая бедрами, удалился, директор продолжил:

– Майк, а что с проектной документацией по С-300? Ее удастся похитить?

– Это сложный вопрос, Джеймс. Все разработки русскими ведутся в Москве, в центральном конструкторском бюро «Алмаз». Это строго охраняемый научный центр. А наш агент действует на главном испытательном полигоне министерства обороны, расположенном на озере Балхаш.

– Байкал?

– Нет, Балхаш. Это в Казахстане. Там безлюдная степь, удобно для испытаний.

Директор Управления внешней разведки часто путал названия стран и географических мест, но это не считалось недостатком. Ведь даже президент страны не отличался подобной грамотностью.

– Агент Игла, – Макферсон задумчиво размешал сахар. – Это тот самый, кого мы завербовали по твоей инициативе?

– Да, – охотно подтвердил Майк.

– Помнится, мало кто верил в твою затею. И обошлась Игла нам недорого.

– Правильные вложения принесли высокие проценты.

– Несомненно. Нюх тебя не подвел.

Макферсон отхлебнул кофе. Уэст из вежливости тоже пригубил дрянную коричневую жидкость. Что за времена пошли, думал он. Кофе без кофеина, пиво без алкоголя и секретарши, напичканные силиконом. Майк Уэст с большим удовольствием выкурил бы сигару, чтобы разбавить концентрированное облако духов, но в кабинете босса, помешанного на здоровом образе жизни, не было даже пепельницы.

Майк помял сигару в кармане пиджака, тяжело вздохнул и спросил:

– Джеймс, а так ли нам важно, получить точные чертежи русских? Я, прежде всего, нацеливал наших агентов на создание аварийных ситуаций, организацию неполадок, уничтожение опытных образцов. Ты говорил, что главное – затянуть время. Ведь наши ученые вот-вот разработают ракеты, которые будут гораздо эффективнее русских образцов.

– Тут ты ошибаешься, Майк. Ракеты – это то немногое, что русские делают лучше всех в мире. Ты знаком с заявленными характеристиками С-300?

– Поражение шести аэродинамических целей одновременно в диапазоне от двадцати метров до тридцати километров,двигающихся со скоростью до трех тысяч метров в секунду.

– Да-да. В этот диапазон попадают все наши самолеты и крылатые ракеты, которые пентагоновские стратеги до сих пор считали неуязвимыми. Ты забыл еще упомянуть, что С-300 – это мобильная установка на колесах, которая проедет по любой проселочной дороге, захватывает цели в радиусе ста километров и мгновенно приводится в действие.

– Но пока русские не достигли заявленных показателей.

– Я хочу, чтобы «пока» превратилось в «никогда»! – воскликнул Джеймс. – И знаешь, почему?

Очередная фраза готова была вырваться из уст возбужденного директора, и Майк Уэст скромно промолчал, изобразив густыми бровями повышенное внимание.

– Потому что возможности нашей будущей хваленой «Пэтриот» хуже существующих опытных образцов С-300.

– Есть время всё поправить.

– Я тебе скажу больше, – разошелся Макферсон. – На прошлой неделе я был на совещании министра обороны с вице-президентом. Так вот, согласно оценкам экспертов, в ближайшие двадцать-тридцать лет никто не рискнет применять ядерное оружие. И все войны будут вестись в первую очередь с воздуха. Побеждать будет тот, кто обеспечит господство в небе. А

если русские оснастят свою армию достаточным количеством С-300, то воевать с ними никто не решится.

– А у нас есть такое желание? – усомнился Майк.

– Кто знает, кто знает. Сильные часто побеждают слабых, не прибегая к кровавой драке. Мы должны быть сильнее русских во всем! Тем более в средствах поражения.

– Прикажете активизировать работы по хищению документации зенитно-ракетного комплекса русских?

– Задача максимум – такая: добыть документацию, уничтожить опытные образцы, а также физически устранить главного конструктора и ведущих разработчиков.

– Но это смахивает на спецоперацию, – развел толстые руки Уэст.

– Даю санкцию на любые действия, – жестко заявил босс.

– Если мы шлепнем ученых, поднимется большая шумиха.

– Безопасность страны важнее! – рубанул ладонью директор Управления, запальчиво выдав свою коронную фразу.

Майк попытался зайти с другой стороны:

– Джеймс, нам потребуется значительное время на подготовку. Я уж не говорю о том, что научный центр находится в Москве, а испытания проходят на полигоне в Казахстане. Это всё равно, что действовать одновременно в Вашингтоне и Неваде.

Директор откинулся на спинку кресла и немного умирил пыл.

– Майк, я понимаю, что задача сложная. Мы попробуем ее упростить. Вот, что я предлагаю. Наши высокопоставленные политики заявят о планах модернизации наступательной авиации и усилении американского военного присутствия в приграничных с СССР странах. Одновременно по разведывательным каналам мы усилим видимую суету вокруг ЦКБ «Алмаз» в Москве. Пусть думают, что наш агент там. Русские будут вынуждены активизировать работы по С-300, и для повышения секретности переместят основных разработчиков на военный полигон.

Макферсон замолчал в ожидании реакции. Уэст был вынужден похвалить босса:

– Неплохо задумано.

– А на полигоне их будет ждать наш агент Игла, – закончил мысль директор.

– При реализации такого плана агенту не удастся остаться не засвеченным. Будем обеспечивать эвакуацию?

– Обещай золотые горы и рай земной, – отмахнулся директор, встал и подошел к карте мира, висевшей на стене.

Майк напрягся. Он хорошо знал привычку босса, отдавать самые неприятные задания спиной к подчиненному.

– Ты говорил, что мы притормозили русских ученых на целый год? – спросил директор.

– Это эмоциональная оценка, – осторожно ответил Уэст. – Фанатики от науки иногда творят чудеса.

– Сейчас, когда русские войска вошли в Афганистан, глобальное противостояние переносится именно туда, – директор Управления ткнул палец в карту. – Мы обязаны сделать всё возможное, чтобы Советы увязли в Афганистане надолго. Этим занимаются все спецслужбы, и агент Игла не должен остаться в стороне. Подключи его временно к нашим афганским проблемам. Когда наш план сработает в Москве, и мы получим информацию о новом цикле испытаний С-300, агент вернется к прежней задаче.

– И Афганистан, и С-300? – недоверчиво переспросил Майк. Он понимал, что если боссу удастся отличиться по обоим направлениям, Макферсон переместится в еще более высокий кабинет, а ему придется привыкать к новому начальнику.

– Такое нынче время, – с расстановкой отчеканил директор, по-прежнему глядя на карту.

– Я полагаю, – осторожно продолжил Уэст, – в этом случае Игле потребуются помощники.

– Действуй. Можешь использовать любые резервы. – Директор Управления вернулся в свое рабочее кресло, давая понять, что разговор окончен.

– И еще, – поспешил Уэст. – Игла сообщает, что ему стал мешать военный прокурор полигона. Он что-то разнюхал, и представляет серьезную опасность.

– В чем же дело? Устраните!

– Это полковник советской армии.

Макферсон скривился:

– Полковник. Эка невидаль... Впрочем, всё должно выглядеть, как несчастный случай. Сделайте это чужими руками. Игла должен быть вне подозрений!

– Слушаюсь.

Майк Уэст внутренне усмехнулся. Даже директор Управления внешней разведки не знал, кто скрывается под именем Игла. Вербуя агента, Майк позаботился, чтобы в любых ситуациях подозрения на Иглу падали в последнюю очередь.

3. Москва-Камбала

Под сводами московского аэропорта Внуково прозвучало необычное объявление о посадке в самолет. Диктор назвала только номер рейса без указания города. Знающие пассажиры, среди которых было много людей в военной форме, раскрыли билеты и сверили цифры. Рядом с указанным номером, пунктом назначения значилась загадочная Камбала. Случайный человек наморщил бы лоб, вспоминая, где находится город с чудным названием. Но его усилия были бы напрасны. Такого населенного пункта в Советском Союзе не существовало. Под этим рыбным словом был зашифрован закрытый военный город Приозерск, находящийся в Казахстане на берегу озера Балхаш. Около секретного города в пустыне Бетпаг-Дала располагались многочисленные площадки центрального испытательного полигона Министерства обороны СССР. Каждый объект имел свой номер и охранялся строже, чем резиденция вождя страны.

Тихон Заколов, четыре года назад закончивший приозерскую школу, это прекрасно знал. Предъявив посадочный талон, паспорт и направление на практику, он вошел в салон самолета. После третьего курса Тихон перевелся из филиала на космодроме Байконур в московский институт, и сейчас, после окончания четвертого курса, напросился на практику в любимый Приозерск. Там долгое время служили его родители, которые недавно погибли во время отпуска на Кавказе. Тихон рассчитывал забрать семейный архив и попрощаться с городом своей юности.

Он занял место у прохода в одном из последних рядов пассажирского салона. Около иллюминатора сидел худой светловолосый лейтенант с петлицами войск противовоздушной обороны, который скептически посмотрел на гражданского парня и продолжил наблюдение за летным полем. Кресло между студентом и военным пустовало.

Отправление затягивалось. Строгая стюардесса о чем-то нервно переговаривалась с аэропортом. Наконец в салон вбежала высокая светло-рыжая девушка в джинсах на широких подтяжках и клетчатой рубашке с подвернутыми рукавами. Ее остроносое лицо выражало такую неподдельную радость, что недовольная стюардесса вымученно улыбнулась и вежливо указала нужное место. Девушка, потряхивая гривой мелких кудряшек, подбежала к Тихону, и ловко протиснулась на свободное кресло. Перед носом опешившего Заколова промелькнула круглая попка, обтянутая голубыми джинсами.

– Здравсте, – выдохнула девушка и плюхнулась в кресло. – А меня Ларисой зовут.

Сияющие голубые глаза дважды хлопнули ресницами, зафиксировав каждого из соседей. На колени она положила холщовую сумку с бахромой, прикрыв удивительно стройные ноги. Если бы Заколов не был погружен в тяжелые раздумья, он бы наверняка постарался понравиться яркой красотке. Однако сейчас его мысли были заняты печальными событиями. Помимо гибели родителей два дня назад ему сообщили о трагедии, произошедшей со школьным другом.

Первым на приветствие девушки откликнулся лейтенант.

– Олег... Григорьев. Я в Приозерск лечу. А вы?

– А я в Саратов! По пути выпрыгну, – засмеялась девушка, сверкая красивыми зубами. – Представляете, я чуть не опоздала. На регистрации предупреждали, что город не объявляют, а я прощелкала. Всё ждала, когда мою рыбу объявят. Так и сидела, пока меня по фамилии не позвали. Ух! Еле успела.

– Лариса, вы разве не знали, что летите на секретный объект?

– Еще как знала. Только для меня всё равно, что треска, что карась. Придумают же – Камбала! Это чтобы шпионов запутать?

– Конечно.

– Ну, тогда им удалось.

Девушка опять озорно засмеялась. Григорьев растерянно таращился на нее, не решаясь поддержать смелую шутку. Двигатели взревели. Самолет после короткого разбега резко пошел вверх. «Не иначе, военные летчики управляют», – решил Тихон, ощущая, как тело вдавливаются в кресло. Когда самолет набрал высоту, бойкая девушка, щебетавшая о чем-то с лейтенантом, мягко коснулась ладошкой запястья Заколова, наклонилась к нему и спросила:

– А вы, почему молчите? Вас как зовут?

– Тихон.

– Ничего себе! А я думала, это имя только в кино встречается. – Девушка открыто рассматривала сурового соседа со шрамом над губой. – Мне кажется, вы уже бывали в тех краях, куда мы летим.

– Я жил там несколько лет.

– Ух, ты! – Девушка заерзала в узком кресле, поворачиваясь к Заколову. – Расскажите мне о городе.

– Что именно?

– Вода в озере теплая?

– Сейчас июль. Вода отличная.

– А климат?

– Днем жарко.

– Это то, что мне надо. И оно действительно большое?

– Озеро? Как море.

– Тихон, вы ведете себя, как разведчик на допросе. Каждое слово приходится клещами вытягивать.

– Странное сравнение.

– Я во ВГИКе учусь, на актерском. Недавно в фильме снималась, про войну. Партизанку играла, – гордо вздернула носик Лариса.

– Да-а! – громко удивился лейтенант, пытаясь вернуть внимание девушки. – А как фильм называется?

– «Отряд в тылу врага». Правда, у меня роль эпизодическая.

– Обязательно посмотрю.

– На экране я в телогрейке и в валенках. Фигуры совсем не видно.

Лариса с горьким вздохом скинула сумочку с колен и оправила джинсы. Оба молодых человека невольно проследили, как ее ладошки прошлись по бедрам и спустились на икры. Зрители фильма многое потеряли, оттого что действие происходит зимой, а не знойным летом, мысленно согласился Тихон.

Пауза затягивалась. Лейтенант Григорьев слотнул ком в горле, насилу отвел взгляд и похвастался:

– А я буду служить на полигоне, где проводятся секретные испытания новейшей военной техники.

– Знаю.

– Что вы знаете, Лариса?

– Про полигон и испытания.

– Откуда?

– Я шпионка, – таинственно зашипела она и снова рассмеялась. Ларису никто не поддержал, она обиженно надулась. – Какие вы скучные! – Но не прошло и минуты, как ее настроение вновь переменялось. – У меня отец – главный конструктор. Он уже два месяца в Приозерске. Сделал мне вызов. Говорит, там отдых, как на море.

– А что он конструирует? – заинтересовался лейтенант.

– Ракеты какие-то. По самолетам стрелять.

– Наверное, я его увижу. А как его фамилия?

Но девушка уже повернулась к соседу.

– Тихон, а вы зачем туда летите?

– На практику, – ответил Заколов и пояснил: – Научную.

Это была только одна из причин. Заколов еще весной запланировал встретиться в Приозерске со своим школьным другом Александром Евтушенко. Оба приложили усилия, чтобы получить распределение на практику в научно-исследовательскую часть на знаменитой «сороковке», 40-й площадке военного полигона.

Также требовалось завершить имущественные дела после смерти родителей. А два дня назад появился еще один серьезный повод для срочной поездки в город детства. Одноклассник Виктор Корольков, служивший рядовым в Афганистане, получил тяжелое ранение и, после ампутации ноги в полевых условиях, был доставлен в Приозерский военный госпиталь. Он лежал в реанимации в бессознательном состоянии. Об этом Заколову сообщила одноклассница Катя Гладкова, работавшая в госпитале медсестрой.

Тихон извлек из нагрудного кармана последнее письмо Королькова. Торопливый почерк, тетрадная бумага и жесткий текст...

«Ты узнал то, что не должен был знать. Ты действовал неумело и обнаружил себя. Теперь Ты балансируешь над пропастью, и думаешь, что тебя могут убить. Уверенность в этом беспощадном исходе растет с каждым часом. Надежда тает, гибель приближается. Ты не знаешь лишь одного: кто расправится с тобой – свои или чужие? Ты больше боишься своих».

Витька писал повесть про Афган. Героя он называл Ты, и трудно было понять, носит ли повесть автобиографический характер или в ней больше выдумки. Главы он поочередно отсылал Заколову, Евтушенко и своей маме. За этим скрывался специальный расчет. Корольков постоянно напоминал, что осенью после дембеля им обязательно придется встретиться, чтобы прочитать историю целиком. Грустная встреча предстояла на несколько месяцев раньше. Чем больше Тихон вчитывался в последнее письмо, тем сильнее в нем зрело убеждение, что свою трагедию Витька предчувствовал.

– Письмо от любимой девушки? – сунула любопытный носик Лариса.

Заколов молча убрал тетрадный лист. Обсуждать горе друга с посторонними не хотелось.

– Какой вы загадочный, – фыркнула девушка.

С противоположной стороны ее вечно дергал бравый лейтенант. Офицер всеми силами стремился заинтересовать красивую соседку, рассказывал курсантские истории и многозначительно намекал на героическую романтику своей будущей службы. Лариса заразительно смеялась, изредка оборачиваясь к задумчивому Заколову. В такие мгновения ее оценивающий взгляд из-под опущенных ресниц проскальзывал по крепким рукам, развитой груди и мужественному лицу парня.

В середине полета девушка зашуршала журналом и попыталась организовать совместное разгадывание кроссворда. Заколов молчал. Григорьев морщил лоб и жаловался, что нет вопросов связанных с военной техникой, уж там бы он показал класс. Ниже кроссворда был помещен числовой ребус.

– Такие задачки не для меня, – махнула пальчиками девушка.

– Дайте, я попробую, – заявил лейтенант.

После неудач с кроссвордом ему хотелось продемонстрировать мощь мужского интеллекта. Он шевелил губами, вписывал цифры, порой нервно зачеркивая их. Когда былой энтузиазм иссяк, он нечленораздельно промывчал:

– Кажется, я запутался. – И тут же бодро воскликнул: – Лариса, посмотрите в иллюминатор. Уже видно озеро!

Девушка с вызовом протянула журнал Тихону.

– Вы, по-моему, говорили про научную практику.

Заколов отвлекся от невеселых мыслей, взял журнал, но отказался от протянутой ручки.

– У меня другого цвета, – пояснил он и сходу поверх черных расставил синие цифры во все клеточки.

Девушка перевернула страницу, сверилась с ответом и недоверчиво прищурилась.

– Слишком быстро. Вы уже *видели* этот журнал.

– Алиби у меня нет, – развел руками Тихон.

– Посмотрите, какая красота, – настойчиво звал лейтенант. Ему не терпелось, чтобы девушка склонилась над ним к иллюминатору. Когда она это сделала, он выпятился, стараясь коснуться ее груди, и жадно внюхивался в аромат рыжих волос.

– Да это не озеро, а море! – оторвавшись от созерцания, воскликнула Лариса и лукаво спросила: – Кто мне покажет город?

– Я могу, – с ходу предложил лейтенант.

– Олег, вы первый раз в Приозерске. К тому же, у вас служба.

– Нет, – запальчиво воскликнул Григорьев, но тут же прикусил губу и отвернулся, не пояснив, против какой части фразы возражает.

Лариса прямо и требовательно взглянула в глаза Тихона. Некоторое время они, не мигая, смотрели друг в друга. Заколов первым не выдержал смелый взгляд красивой девушки.

– Я вас найду, – пообещал он.

– Как? Я сама еще не знаю, где поселюсь.

– Вы будете жить рядом с отцом, а фамилия академика Трушина достаточно известна.

– Но я ее не называла.

– Однако успели многое разболтать.

Девушка хотела обидеться, но мгновенно передумала и загадочно улыбнулась:

– Тогда, не тяните со встречей, Тихон.

Она не заметила, как похолодел взгляд лейтенанта, после того, как он услышал фамилию ее отца.

4. Встреча

Крупный черный скорпион двигался по песку вдоль бетонных плит, шустро перебирая четырьмя парами крепких лапок. Его мощные клешни, устрашающей дугой выдвинутые вперед, слегка покачивались. Неожиданно прямо перед собой скорпион заметил желтую фалангу. Ее мягкое брюшко было раздуто, фаланга мирно переваривала обильную трапезу. Скорпион не пожелал совершить обходной маневр. Он поднял изогнутый хвост с острой иглой, начиненной ядом, и агрессивно раскрыл клешни. Но фаланга оказалась не из пугливых. Она прытко развернулась к врагу, агрессивно задрала голову и разжала две пары острейших вертикальных челюстей. Скорпион знал, что это единственное, но очень грозное оружие фаланги. Если она вцепится ими в любой участок панциря, то противник обречен. Четыре челюсти позволяют фаланге сжимать и пережевывать жертву одновременно.

Однако скорпион был уверен в своих силах. Он смело бросился вперед, отвлек внимание ложным замахом клешней и уколол фалангу в живот длинным хвостом. Яд на фалангу не подействовал. Скорпион повторил маневр и впрыснул новую порцию. Фаланга ошетичилась еще яростнее, но ее движения показались скорпиону замедленными. Третий укол был предназначен ей в голову и должен был довершить победу. Скорпион смело махнул хвостом, однако фаланга извернулась и перехватила хвост у самого кончика острыми челюстями. Она мотнула толстой головой и развернула противника к себе задом. Теперь даже грозные клешни не могли помочь скорпиону. Сейчас эта алчная бестия сломает его бронированный хвост, а потом, перебирая челюстями, доберется до мягкого брюшка.

Пассажирский лайнер из Москвы выпустил шасси, зашел на взлетно-посадочную полосу военного аэродрома города Приозерска и жестко коснулся бетонных плит. Земля под тонкими лапками фаланги вздрогнула, она разжала челюсти, спасенный скорпион бросился наутек, позабыв о былой смелости.

ТУ-154 прокатился вдоль длинного ряда истребителей и свернул к одноэтажному зданию. У подъехавшего трапа сразу же появились военные с красными повязками на рукаве. После придиричливой проверки документов пассажиры получили багаж, и вышли к встречающим. Лариса Трушина держалась рядом с Заколовым. «А вдруг, меня не встретят?», – объяснила она, хотя на самом деле ей было приятно, передать свой большой чемодан в надежные руки неразговорчивого, но привлекательного спутника.

Ее тревога оказалась напрасной.

– Папа! – звонко выкрикнула девушка, вскинув вверх тонкую руку.

Многие машинально взглянули на человека, кому предназначалось приветствие. Среди них был и лейтенант Григорьев, хотя в его взгляде, напротив, читалось повышенное внимание.

Лариса с радостным визгом обняла отца. Тот поспешил отстраниться. На озабоченном лице плотного академика, совершенно лысого, если не считать нимба седых волос за ушами, мелькнуло подобие улыбки. Одет он был в светлый летний костюм, в руках держал громоздкий кожаный портфель. Рядом с ним вращали толстыми шеями два безликих типа в узких солнцезащитных очках и просторных пиджаках одинакового мышинного цвета.

Главного конструктора даже на секретном полигоне усиленно охраняют, удивился Тихон, заметив характерные «опухоли» от пистолетов подмышками у телохранителей. Он поставил чемодан под ноги одному из них и собрался попрощаться с девушкой.

Лариса щебетала:

– Ой, мы так быстро долетели, я совсем не устала.

– На сорок минут опоздали, – постучал по циферблату академик Трушин.

– Это из-за меня. Я чуть самолет не пропустила.

– И в кого ты у нас такая несобранная?

– Папа, ты случайно не улетаешь? – засмеялась девушка, указывая на большой портфель.

– Здесь важные материалы. Они всегда со мной. И эти двое молодых людей тоже, – перехватив заинтересованный взгляд дочери, серьезно пояснил отец. – Сейчас один из них отвезет тебя в гостиницу. А мне пора на полигон. – Ученый явно спешил.

– Ну, папа. Я думала, мы вместе пообедаем, – расстроилась Лариса.

– Извини, некогда. Выбирай спутника.

– Михаил Львович, по одному вас сопровождать не положено, – наклонился к академику один из охранников. – И машина у нас всего одна.

– Не брать же мне дочь на испытания.

Тем временем Тихон Заколов пожал руку невысокому хмурому подполковнику юстиции. Он знал его раньше, как заместителя своего отца. Теперь Виталий Степанович Крюков являлся военным прокурором огромного гарнизона и с нетерпением ждал присвоения звания полковника.

– Лариса, если хочешь, мы подвезем тебя в город, – предложил Заколов, слышавший разговор Трушиных.

Выходя из самолета, он шел вслед за девушкой и имел возможность разглядеть ее величественную фигуру. Та продолжала на ходу беззаботно болтать с Олегом Григорьевым. Тихон уже не удивлялся будущей актерской профессии девушки, и немного жалел, что в отличие от лейтенанта, не уделил ей должного внимания в самолете.

– Это кто? – поинтересовался главный конструктор, разглядывая молодого человека рядом с военным юристом.

– Это Тихон, – с наигранным равнодушием пожала плечами девушка. – Мы познакомились в самолете.

– Разрешите представиться, – заискивающе отреагировал подполковник. – Виталий Степанович Крюков, военный прокурор.

Правая рука подполковника застыла в нерешительности. Ученый сделал шаг навстречу.

– Михаил Львович Трушин, академик.

– Я знаю о вас, – прокурор радостно тряс протянутую руку и, с плохо скрываемой гордостью, пояснил: – Служба такая.

– Не могли бы вы, подполковник, отвезти мою дочь в гостиницу «Люкс».

– Конечно. Это по пути.

– Вот и чудесно. А то намечается окно у вражеских спутников, – академик многозначительно показал в ясное небо, – мы не можем ждать.

– Понимаю. Не беспокойтесь.

– Заранее благодарен. – Академик вежливо кивнул и быстро удалился в сопровождении охранников. Желтые замки громоздкого портфеля блестели на солнце и притягивали заинтересованные взгляды.

– Вот так всегда, – вздохнула Лариса и деловито указала Тихону на свой чемодан.

Но первым подсуетился лейтенант Григорьев.

– Теперь я знаю, где вы живете, – шепнул он девушке, семена рядом. – Встретимся завтра вечером?

– Зачем откладывать. Почему не сейчас? – томно ответила Лариса.

– Мне в часть надо, – сконфузился лейтенант.

– И для вас служба важнее всего. Отдайте чемодан! – Девушка выдернула багаж из руки оторопевшего лейтенанта и подала его Заколову. На его вопросительный взгляд она хитро ухмыльнулась. – Не обращай внимания, я должна поддерживать актерскую форму.

– Мы уже на «ты»?

– Как же иначе, после того, как мой папа доверил тебе самое ценное свое достижение.

Заколов плохо понимал, когда шустрая девчонка говорит серьезно, а когда ехидничает. В военном «уазике» молодые люди расположились на заднем сиденье. Лариса ежесекундно вертела головой и спрашивала «А это что? А это?», указывая на урбанистические объекты военной инфраструктуры. Иногда ее кудряшки задевали щеку Тихона, а тонкая рука опиралась на его колено. Вплоть до расставания у гостиницы, молодого человека бросало то в жар, то в холод.

– А ты время зря не теряешь, – ухмыльнулся Крюков, когда они отъехали от гостиницы. – О свидании договорился?

Подполковника задело гордое молчание студента. Молодой Заколов напомнил ему погибшего прокурора. Скрывая раздражение, Виталий Степанович решил покончить с обязанностью опекуна.

– Тихон, как ты понимаешь, служебная квартира твоих родителей уже не пустует. Кое-что из вещей удалось продать, вырученные деньги я положил на сберкнижку на твое имя. – Подполковник протянул Заколову голубую книжицу. Не дождавшись благодарности, он продолжил: – Автомобиль я продавать не стал. Захочешь, сам избавишься. Но я бы не советовал, дефицит, все-таки. Пока он стоит в моем гараже. Там же некоторые личные вещи. Вот ключи.

– Спасибо, – выдал Тихон. Всё в этом городе ему напоминало о беззаботной счастливой юности, когда были живы родители.

– Ты теперь завидный жених! Хвост пистолетом – и за дочерью академика! – Автомобиль остановился у четырехэтажного длинного здания с одним подъездом. – Приехали. Это офицерское общежитие. Здесь я выбил комнату для тебя. Будут трудности, обращайся. Телефон знаешь.

Заколов не спешил покидать автомобиль.

– Виталий Степанович, не могли бы вы подбросить меня к госпиталю?

– Ну и непоседа ты, Заколов. Весь в отца. Я думал, на озеро помчишься в такую-то жару. А кто там у тебя? Сердечная зазноба?

– Друг в реанимации. Из Афгана.

– Ну ладно, выгружай вещи. Сначала меня на службу, а потом водитель отвезет тебя к госпиталю. Но ждать не будет!

– Спасибо, – искренне поблагодарил Тихон. Ему не давало покоя пророческое письмо Виктора Королькова. Он спешил увидеть друга, чтобы понять тайну зловещего послания.

5. Госпиталь

В госпитале Заколов первым делом разыскал Екатерину Гладкову. Бывшая одноклассница после окончания медицинского училища работала медсестрой хирургического отделения. Это она сообщила Заколову и Евтушенко о тяжелом ранении Витьки Королькова.

– Тихон! – Узкие бледные губы Кати расплылись в счастливой улыбке. Она держала какую-то бутылочку, но все-таки исхитрилась поправить каштановую челку, выбившуюся из-под белой пилотки. – Тихон, какой ты стал...

Худенькая одноклассница, превратившаяся в медсестру, смущенно умолкла.

– Давно не виделись, – согласился Заколов. – Катя, как сейчас Витька?

– А я думаю, кто меня спрашивает? – Широкая бесхитростная улыбка придавала серьезной девушке глупый вид. Так было и в школе. Погружаясь в счастье, она неизменно расставалась с интеллектом. Тихон задержал взгляд на крупной родинке на стыке носа и щеки девушки. Катя заметила движение его глаз, и сразу нахмурилась. Она всегда стеснялась коричневого пупырышка на лице.

– Я хочу повидаться с Корольковым, – напомнил Тихон.

– К нему нельзя. Он в реанимации.

– Катя. – Тихон взял девушку за костлявые плечи и чмокнул в кончик носа. Над белым воротничком медсестры, застегнутым на все пуговицы, контрастно проступил розовый румянец. Не позволяя новой волне счастья окончательно затопить разум девушки, Заколов мягко потребовал: – Ты должна провести меня к нему.

– Шаповалов запрещает.

– Кто это?

– Главный хирург.

– А мы не будем ему говорить.

– Другие скажут. – Екатерина скользнула взглядом по ладной фигуре Тихона и стряхнула нерешительность. – Хорошо, пойдем.

– Как он?

– К сожалению, пока нет положительной динамики.

– Он приходил в сознание? – с надеждой уточнил Тихон.

– Я же сказала. Без положительных изменений. – Начинаящая медсестра вновь окунулась в привычную атмосферу лечебного учреждения.

– Неужели нельзя ничего сделать?

– Почему же. Состояние больного стабильное. Скоро его прооперируют. Шаповалов уверял, что есть надежда.

– Когда операция?

– На днях.

– Почему не спешат?

– Тихон, ты только не нервничай. Больной очень тяжелый. Кроме ноги, у него осколочные ранения всей паховой области. Понимаешь, что это значит?

– Я понимаю, что время уходит, а человек умирает!

– Главный хирург лучше знает, когда проводить операцию.

– Катя, ты сказала, что шанс есть, – Тихон попытался успокоиться.

– Это сказал Шаповалов. Он самый опытный хирург. Не беспокойся, мы сделаем всё, чтобы вытащить Витьку. Вот его палата.

Они остановились в конце длинного коридора напротив широкой двери. Из соседних палат с любопытством выглядывали больные в застиранных голубых пижамах.

– Я не надолго, – заверил Тихон.

– Две минуты, пока я не вернусь.

Тихон смотрел, как по коридору удаляется худенькая фигурка в белом халате. Она так и не приобрела женскую округлость, и не научилась расправлять сутулые плечи. Катя чувствовала его взгляд и жалела, что не обула сегодня новые туфли. Она знала, что из всего возможного богатства женского красоты, ей достались только стройные ножки, да и то, если смотреть на них ниже колена.

Заколов вошел в реанимационную палату. В маленькой комнатке под капельницей на высокой кровати лежал больной. На его неподвижном теле были закреплены несколько датчиков, присоединенных к сложному прибору, ото рта тянулась трубка для искусственной вентиляции легких. Белая простынь издевательски провисала там, где должна была находиться левая нога. Тихон подошел ближе. В худом изможденном лице, с проступившей щетиной, трудно было узнать прежнего жизнерадостного Витьку.

Проклятая война! За что? Ведь ты только начал жить. Почему война калечит самых молодых?

Назвав друга на ты, Тихон вспомнил его последнее письмо. Что же там было: выдумка или предчувствие скорой беды? Даже не предчувствие, а крик души солдата, приговоренного к смерти. Очнись. Расскажи. Если это правда, и тебе угрожал кто-то из своих, то я достану его, где бы он ни был! Подлость и предательство должны быть наказаны!

Опечаленный и подавленный Заколов покинул плату.

– Почему никто не борется за жизнь Витьки? – угрюмо спросил он Катю при выходе из корпуса.

– Это не так. Все стараются. Но он всего лишь рядовой. Нам привозят много раненых из Афганистана.

– Его бы туда.

– Кого?

– Вашего хваленного хирурга Шаповалова.

– Он был в Афганистане. И не раз.

– Тогда я хочу поговорить с ним. Он должен начать операцию немедленно. Витька не может ждать!

Девушка примирительно коснулась руки Заколова.

– Сегодня две бригады медиков уехали на полигон. Там важные испытания. И Шаповалов с ними.

– Высокоточное оружие для военных важнее судеб простых солдат, – с горечью констатировал Заколов и, не попрощавшись, направился к проходной.

– Тихон, – окликнула Катя. Он обернулся. – Мы еще увидимся?

– Я буду сюда приходить каждый день.

– А вечером? – смущенно спросила она и, мгновенно покраснев, выпалила: – Мои родители в отпуске. Ты знаешь, где я живу.

Гладкова убежала. Растерянный Заколов подумал, что бывшая одноклассница восприняла его поцелуй в кончик носа слишком серьезно.

Радиограмма.

Игла Центру.

Подкрепление прибыло. Группа усилена. Возникли небольшие трудности с объектом в госпитале. Справимся собственными силами. Подготовка к операции «Крах» в стадии завершения.

6. Спецтруссы

Новоиспеченный лейтенант Олег Григорьев приехал в воинскую часть на 38-ю площадку за полтора часа до начала важных испытаний и сразу окунулся во всеобщую суету. Тут и там пробегали офицеры с большими звездами на погонах, некоторые на ходу отдавали приказы, младшие офицеры с выпученными глазами спешили их исполнять. От вопросов молоденького лейтенанта все отмахивались, как от назойливой мухи. Наконец, расстроенный Григорьев заметил генерал-майора, шагнувшего в окружении озабоченных офицеров, и решил: сейчас – или никогда. Он дождался, пока невысокий горбоносый генерал закончил кричать на толстого подполковника, набрал в грудь побольше воздуха и бойко отрапортовал о собственном прибытии к месту несения службы. В воцарившейся тишине с особым шиком щелкнули новенькие каблучки лейтенанта, вытянутая рука протянула документы.

Командир части, генерал-майор Николай Иванович Орел бегло посмотрел бумаги, сверкнул глазами на взмыленного офицера и гаркнул:

– Где пропадал, мать твою? Гражданский борт на семерку прибыл четыре часа назад. Ты что, в озере прохлаждался?

– Никак нет, товарищ генерал-майор. – Лейтенант не ожидал такой проницательности у генерала и попытался отшутиться: – Вспотел с непривычки.

– Вот! Распустили людей в отпуска. Теперь работайте с потными салагами! – генерал нашел взглядом среди своей свиты флегматичного капитана и приказал: – Капитан Курагин, определить лейтенанту место дислокации на предстоящие пуски.

Процессия удалилась в штаб. Капитан, получивший приказ, сплюнул под ноги и толкнул Григорьева в плечо.

– За мной, лейтенант.

Ничего не объясняя, он протопал к стоянке автомашин и запрыгнул в армейский джип без тента, где его поджидал водитель срочной службы. Через десять минут тряски по пыльной дороге УАЗ остановился в степи около зеленой автобудки, верхняя часть которой напоминала форму гроба. Рядом возвышалась ершистая стена разнообразных антенн, по сторонам виднелись несколько бункеров и других вагончиков. Капитан отпустил водителя и вошел в помещение, представлявшего собой кунг автомобиля «Урал», поставленный на бетонные блоки.

– Вот наше место дислокации на период испытаний, – сообщил Курагин, не оглядываясь на Григорьева. В кунге около приборов находились два старших лейтенанта. Капитан обратился к ним: – Матвеев и Пряхин, часовую готовность объявляли?

– Только что.

– Знакомьтесь. Лейтенант Олег Григорьев. Прибыл сегодня в часть после училища. Будет служить с нами.

Посыпались обычные для новичка вопросы: кто такой, откуда, что закончил, кого из местных знаешь. Григорьев отвечал и улыбался, стараясь понравиться новым сослуживцам.

– А что сегодня испытываем? – в свою очередь поинтересовался он.

– Зенитно-ракетный комплекс С-300. Слышал про такой?

– Еще бы. Ракетный щит будущего.

– А ты, выходит, первый раз на испытаниях? – спросил Матвеев.

– Да. Первый раз – и сразу такое событие. Повезло.

– Может, повезло, а может и..., – Матвеев грустно посмотрел на Григорьева.

– В чем дело? Ты что имеешь в виду?

– Спецтруссы получить успел?

– Какие еще трусы?

– Специальные, из просвинцованной ткани.

– А, я понимаю. Прикалываетесь.

– Выходит, не успел, – скорбно покачал головой Матвеев.

– Да-а, – сочувственно вздохнул Пряхин. – Был у нас один такой смелый...

– Товарищ капитан, о чем это они? – сдерживая беспокойство, поинтересовался Григорьев.

– Отставить разговорчики! – рявкнул капитан и мельком взглянул на Григорьева. – Зато из него вырастет хороший офицер, он не будет вечно думать о бабах, как некоторые.

– Вы что серьезно?

– Если тебя не берет нейтронное излучение, то, конечно, можешь и без трусов щеголять, а у меня жена молодая, – Пряхин отвернулся и демонстративно уставился на приборную панель.

– Ребята, хорош прикалываться. Какие еще спецтрусы? – Григорьев старался выглядеть бодрым и уверенным, хотя давалось это ему всё сложнее.

Матвеев встал, расстегнул ремень и сдернул форменные брюки.

– На, смотри!

Он предстал в плотных белых обтягивающих трусах с широкой резинкой, похожих на плавки. Тут уверенность лейтенантика, что над ним подшучивают, существенно поколебалась. За годы жизни в военном училище других трусов, кроме как сатиновых до колена, видеть ему не доводилось. А здесь – явный спецпошив.

– Всё еще сомневаешься? Смотри! – Пряхин тоже снял брюки. На нем были точно такие же трусы, как и на Матвееве.

Растерянный взгляд Григорьева заметался между двух пар голых ног и остановился на брюках капитана.

– Ну, ты лейтенант обурел. Не веришь старшим по званию?

– Они сговорились, да?

– Не веришь, – покачал головой капитан и встал, расстегивая ремень – Гляди!

Форменные брюки съехали на пол. Над волосатыми капитанскими ногами белели обтягивающие трусы точно такого же фасона, как и у других офицеров. По внутреннему динамизму объявили тридцатиминутную готовность.

– Всё! За дело, – скомандовал капитан, застегивая брюки. – Занять свои места и приготовиться!

– Мужики. А как же я? – выдавил звук, похожий на стон, растерянный лейтенант.

– У тебя жена есть? – заботливо поинтересовался Матвеев.

– Нет.

– А невеста? Жениться собираешься?

– Конечно. Как все.

– Как все, у тебя уже не получится.

– Что же делать, мужики?

– Да-а, пока мы все мужики, – философски изрек Пряхин.

– До испытаний, – уточнил Матвеев.

– Мужики, братцы... – взмолился Григорьев, готовый заплакать.

Матвеев сжалился.

– Тут склад в пяти километрах. Беги. Кликнешь прапорщика и потребуешь, чтобы выдал спецтрусы. Успеешь добежать?

– Успею. Где склад?

Получив подробные инструкции, Григорьев выскочил из автобудки и понесся по опустевшей дороге в сторону штаба.

Когда дверь за ним захлопнулась, капитан пробурчал:

– Мы с салагой не переборщили?

– В самый раз, товарищ капитан. Пусть вспомнит курсантские кроссы.

– Ох, эти югославские трусы. Весь город ими затоварили.

– Военторг постарался. Обеспечил дефицитом. Теперь все мужики в них ходят.

Григорьев бежал по выжженной солнцем степи в полной уверенности, что от результата бега зависит его жизнь. По крайней мере, та ее важная часть, на которую мужчины тратят так мало времени, но которой придают такое огромное значение. Руки молотили горячий воздух, подошвы ботинок истирали песчинки в пыль, липкий пот застилал глаза.

Лейтенант ворвался в расположение части и уже видел впереди длинный барак с вожденной защитой, но тут его остановила цепкая рука. Генерал-майор Орел на минуту выбрался из командного пункта, чтобы лично убедиться в готовности части к ответственным испытаниям. Все подразделения заняли свои места. Вокруг ни одной живой души. И тут – топот взбесившегося офицера.

– Куда прешь? Почему не на посту? – грозно рыкнул генерал, сверкая глазами.

– Да я... туда... срочно..., – Григорьев дышал, как загнанный конь.

– Докладывать по форме!

– Товарищ генерал-майор, докладывает лейтенант Григорьев. Я только прибыл, спец-трусы не успел получить, а тут... испытания.

– Что ты несешь!

– Разрешите на склад. Мне только сейчас сказали.

Лейтенант порывался бежать дальше, талдыча про спецтрусы, но генерал его удерживал. Опытный командир начинал вникать в ситуацию.

– Вот козлы! Издеваются над парнем. Лейтенант, кругом! Бегом на пост.

– Товарищ генерал, я еще совсем молодой. Жениться собираюсь. Не губите!

– Пошутили над тобой, парень. Ну, я им задам!

– У всех офицеров есть спецтрусы, а у меня нет. Разрешите, на склад, – заикнулся лейтенант.

Генерал понял, что нервы у парня на пределе. В таком состоянии его нельзя оставлять рядом с грозной техникой, а вот-вот будет команда на старт самолетов-мишеней. Он окинул взглядом пустой плац и принял мудрое педагогичное решение, достойное великого Макаренка.

– Если бы существовали спецтрусы, то в первую очередь они были у меня. Так?

– Так, – согласился лейтенант, чуть не плача.

– Смотри, сынок.

Генерал-майор Орел расстегнул штаны. Воспаленному взгляду Григорьева предстали белые обтягивающие югославские трусы. Один в один, как и у офицеров на посту!

Вот тут-то и пригодилась дежурная бригада медиков. Истерику молодого лейтенанта удалось погасить только уколом транквилизатора.

7. Ночное купание

После грустной встречи в госпитале Тихон Заколов направился домой к Александру Евтушенко. Друзья, не видевшиеся полгода, обменялись сдержанными приветствиями и крепким рукопожатием. Осознание страшного факта, что их друг-одноклассник стал калекой и находится в зыбком равновесии между жизнью и смертью, не располагало к проявлению радости.

– Как ты думаешь, с Витькой произошла случайность или нет? – задал главный вопрос Тихон.

– В Афгане идет настоящая война.

– А как же его письма?

– Поначалу я был уверен, что он просто пишет повесть, сочиняет.

– Там много фактов из Витькиной жизни. Он очень похож на главного героя.

– С начинающими писателями всегда так бывает.

– А если это документальная проза? Его дневник, написанный литературным языком.

– Не исключено, – согласился Евтушенко.

– Тогда получается, что опасения за жизнь главного героя – это его личные страхи. Корольков боялся расправы над собой!

– Мне кажется, он боялся конкретного человека.

– Покажи его письма, – попросил Тихон. – Надо совместить их с моими, ведь история разбита на отрывки. – Он взял протянутую пачку и рассмотрел штемпели на верхнем конверте. – Это получено уже после моего.

– Оно пришло несколько дней назад.

– С него и начнем. – Заколов развернул вчетверо сложенный листок, пробежал глазами строчки, написанные знакомым почерком. – Вот. «Пока Ты еще не знаешь всех деталей. Ты гадаешь, в чем тебе прикажут участвовать: в контрабанде, торговле оружием, перевозке наркотиков. Или это нечто гораздо худшее? Хотя, что может быть хуже. Разве только... Но об этом не хочется даже думать! Он холоден, всегда собран и не раскрывает своих секретов. В тот день Он ухмыльнулся, наставил оружие и предложил тебе помогать ему. У тебя не было выбора. Ты кивнул, иначе тебя бы убили в тот же момент. Он дружески похлопал тебя по плечу: «Вот мы и вместе». Но Ты понимаешь, что не можешь быть с ним заодно. Ты и Он – разные люди! Это означает, что Ты просто отсрочил свою смерть».

Рука Тихона с письмом беспомощно опустилась. Он сжал губы и напряженно глядел в пол.

– Ты прав, Витька опасался конкретного человека. Если Корольков – Ты, то кто скрывается под именем Он?

– В тексте ни одной фамилии. Даже не ясно: враг это или сослуживец? – задумчиво произнес Александр.

– Если бы это был душман, то зачем скрывать его имя? Витька шифровался от своих. Он знал, что письма читаются, поэтому вел свой дневник в виде повести. Имена он опускал, но я уверен, что это реальные люди! Я соберу повесть целиком. Мы прочтем ее с самого начала и докапаемся до сути.

– У нас с тобой не все части повести, – напомнил Евтушенко.

– Ты прав. Надо сходить к его родителям.

– Сейчас в городе только его мама, Анна Федоровна. Мужу она пока не сообщала. Он в краткосрочной командировке. Через неделю вернется, к тому времени Витька должен пойти на поправку.

– Как она?

– Я видел Анну Федоровну в первый день, когда Витьку только привезли. Гладкова позволила. Мы встретились в госпитале. После того, как она увидела сына, ее саму еле откачали. Сейчас она дома, к ней заходит врач. А письма... Я думаю, она тебе их не отдаст. Единственный сын, сам понимаешь...

– Понятно. Тогда сегодня изучу эти письма, а завтра все-таки схожу к ней. У меня нет выбора. Попрошу посмотреть, не выходя из дома.

Друзья помолчали. Евтушенко напомнил:

– Ты о практике еще не забыл?

– Без нее меня не впустили бы в наш славный город.

– Где остановился?

– В офицерское общежитие устроили.

– Поужинаешь у нас. А завтра к девяти приходи на сороковую площадку. Пропуск тебе заказан. Там научно-исследовательская часть, сокращенно НИЧ, с отличным вычислительным центром.

– Так уж и с отличным?

– Самые современные ЭВМ. Считают всё!

– Если бы они еще умели вычислять злодеев, – вздохнул Заколов.

В разгар домашнего ужина в доме Евтушенко прозвенел телефонный звонок.

– Тебя, – удивленный Александр протянул трубку Тихону. – Девушка.

Заколов сразу узнал задиристый голос Ларисы Трушиной.

– Фу, еле тебя нашла.

– Как?

– Твою фамилию здесь тоже многие знают. А дальше. Связи, явки, пароли...

– Не ожидал такой прыти от московской девушки.

– А я не ожидала, что местные парни такие занятые. Где ты шляешься?

– Друзья, – с улыбкой оправдывался Тихон, уже не удивляясь напористому тону москвички.

– Я тоже хочу быть твоим другом. Ты обещал мне город показать.

– Прямо сейчас?

– А разве поздно? Тебе пора бай-бай?

– Я взрослый человек.

– Надеюсь. Когда ты за мной зайдешь?

Заколов посмотрел на часы.

– Если хочешь, через пятнадцать минут.

– Он еще спрашивает! Да я с тоски помираю! А еще я хочу искупаться в вашем славном озере, больше похожем на море.

– В темноте?

– А это запрещено?

– Не думаю.

– Так в чем же дело?

– Жди.

– Я живу в шестнадцатом номере, – по-деловому сообщила Лариса Трушина и положила трубку.

К небольшой двухэтажной гостинице «Люкс», расположенной в парке у озера, Заколов подошел, когда южно-казахстанский городок стремительно погружался в ночную мглу. На изящной телевышке, видневшейся за парком, зажглись сигнальные огни. Каждая рука молодого человека толкала по велосипеду, любезно предоставленному школьным другом. Лариса выскочила из гостиницы в легком открытом платье и уставилась на двухколесную технику.

- А это зачем?
- Так мы быстрее посмотрим город.
- Тихон, ты спешишь от меня отделаться?
- Я стремлюсь предоставить тебе лучшее средство передвижения в местных условиях. Девушка скептически посмотрела на подол короткого платья и махнула рукой.
- Поехали!
- Тогда, за мной.

Молодые люди катились по дорожке вдоль извилистого берега озера. Кое-где светили фонари, мягко шуршали галькой прибрежные волны, большая вода дышала прохладой. На самом высоком холме Тихон остановился.

– Фу, уморил, – пожаловалась Лариса, оправляя платье. – Давно не крутила педали.

– Это памятник летчикам, погибшим на полигоне. – Заколов указал на истребитель, взметнувшийся на пьедестале над крутым обрывом.

- Но здесь же не воюют?
- Испытания военной техники максимально приближены к боевым условиям.
- Мой отец постоянно испытывает свои ракеты! – раздраженно высказалась Лариса.

Рядом прогуливались несколько парочек. Некоторые обернулись на ее слова. Девушка стрельнула глазками и перешла на лукавый шепот.

- Здесь что, место для свиданий?
- У нас нет памятника Пушкину, – в тон ей подыграл Тихон.
- Зато у вас море.

Заколов не стал поправлять москвичку. Море, так море. Причем уникальное: здесь оно пресное, а на востоке соленое. Он обратил внимание на человека в инвалидной коляске. Прямая спина, аристократический профиль, аккуратная прическа, вкупе с уверенным взглядом, вызвали невольное уважение. Чувствовалось, что инвалид не сломлен, вопреки обстоятельствам. Коляску катила моложавая стройная женщина. Инвалида Заколов знал, впрочем, как и все в городе, а вот его строгую спутницу видел впервые. Коляска проехала рядом с молодыми людьми и остановилась у края обрыва.

Лариса тревожно зашептала:

– Он не боится, что его столкнут?

– Этот человек ничего не боится. Поехали, я тебе кое-что покажу.

Велосипедисты промчались мимо лодочной станции, боксов для катеров и остановились на мысе, с которого открывался красивый вид на широкий пляж, озеро и телевышку. Край скалы огораживал металлический заборчик с узким проходом, под ним слышался размеренный плеск волн.

– Здесь была вышка, с которой ныряли. Но потом ее срезали, и теперь это просто смотровая площадка, – пояснил Заколов.

Лариса Трушина подошла к ограждению и пыталась заглянуть за него.

– Ого! Высоко! Неужели ныряли?

– В нашем городе живут смелые люди.

– А почему срезали? – поинтересовалась девушка. Она вытянулась над обрывом. Свежий ветерок шевелил ее волнистые рыжие волосы.

– Здесь молодые офицеры показывали свою удаль. Но лучше всех прыгал подполковник Ольховский. Он крутил сальто и пируэты, с места и с разбега. Никто не мог повторить его трюки. Но лет шесть назад он прыгнул неудачно. Ударился о камни и сломал позвоночник.

– Какой ужас!

– Трагедия. После этого случая вышку спилили. Подполковник долго лечился, но ничто не помогло. Вдобавок его бросила жена.

– Надо было ехать в Москву. Там лучшие врачи.

– Он был и в Москве, и во многих санаториях, даже в Карловых Варах побывал. Но медицина оказалась бессильна. Мужчина в расцвете лет стал инвалидом.

– Печальная история.

– Но не всё так грустно. Ольховского хоть и демобилизовали из армии, но оставили на работе. Он зам по науке в научно-исследовательской части. Светлая голова. Ездит в инвалидном кресле, которое сам модернизировал. А пару лет назад его полюбила молодая женщина,

инженер вычислительного центра. Они живут вместе в маленьком домике на берегу. Их часто можно видеть здесь на прогулке.

– Так это они были там, около памятника?

– Да.

– Она такая эффектная, а он... Полюбить инвалида! Я бы так не смогла... А ты? Способен на такое?

Молодые люди придирчиво посмотрели друг на друга.

– А слева пляж, – встрепнулся Заколов. – Видишь, некоторые пришли окунуться перед сном. Ты тоже хотела.

– Такая красота, – Лариса распахнула руки, пытаясь обнять бескрайнюю панораму озера.

– На пляж?

– Поехали дальше. Где никого нет.

– Там дорожка не освещается.

– У нас же есть фары.

– Как скажешь, мой генерал, – улыбнулся Тихон и запрыгнул на велосипед. Ему всё больше нравилось общаться с бойкой москвичкой.

– А у женщин разве звания бывают? – спросила Лариса, догоняя его.

– Еще какие! Вот на днях случайно подслушал разговор двух дам. «Я в армии подполковником была», похвасталась первая. А вторая ей гордо отвечает. «А я под генералом. И не один раз!»

– Фу! Да ты пошляк, – по-доброму рассмеялась Лариса.

Они катились на велосипедах, взлетая с одного пригорка на другой, пока асфальтовая дорожка не перешла в грунтовую, затем сузилась до тропинки и полностью затерялась на каменистых склонах.

– Ну, всё. Так можно и шины проколоть, – остановился Тихон. Желтый моргающий свет маленькой лампочки под рулем сразу погас. – Пора возвращаться.

– А это что? – Лариса показала на озеро.

На мерцающей под яркими звездами водной глади в полукилометре от берега чернела каменистая гряда.

– Это островок. Необитаемый, – таинственно прошипел Тихон.

– А здесь можно купаться?

– Купаться можно везде, только надо осторожнее заходить в воду. Валуны.

– Поплывем на остров?

– А ты хорошо плаваешь?

– Я многое делаю хорошо, – таинственно ответила девушка.

– Вот как. Сейчас мы это проверим.

Тихон положил велосипед и скинул футболку, испытывающее посмотрел на девушку – последует ли она его примеру. Лариса зашла по щиколотки в воду, побродила и нараспев произнесла:

– Теплая, нежная. Просто чудо.

Она расположилась на лунной дорожке, прогнулась в поясице и медленно стянула платье через голову, оставшись в узком купальнике. Тихон заворожено наблюдал за грациозными движениями юной актрисы. Тонкая рука отбросила платье подальше от воды, брови кокетливо изогнулись.

– Я поплыву одна?

– Сейчас. Подожди, – засуетился Тихон, стаскивая штаны.

Он вошел в темную воду, осторожно нащупывая дно. Берег маленькой бухты был усыпан разномастными гладкими камнями.

– Держись за меня и ступай очень осторожно, – предупредил он девушку.

Лариса вцепилась в протянутую руку. Когда они зашли чуть выше колена, девушка споткнулась, ойкнула и завалилась на парня. Тихон с трудом удержал ее, для этого ему пришлось обхватить стройное тело за талию и прижать к себе.

– Я же предупреждал об осторожности, – прошептал он, глядя в широко раскрытые глаза девушки. – Ты ногу не ушибла?

– Пощупай, – предложила она.

– Где?

– Ну, я не знаю.

Оба перевели взгляд вниз. Заколов заметил краешек татуировки на плоском животе девушки, игриво выглядывающий из-под сбившихся плавок.

– У тебя есть наколка? – удивился Тихон.

– Это тату. У артистов на западе входит в моду. Через несколько лет и до нас докатится.

– Что у тебя изображено?

– Это не для всех, – одернула плавки девушка и закрыла рисунок.

– Так необычно. Было больно, когда кололи?

– Я не боюсь иголок.

– А еще чего ты не боишься?

– Красивых сильных мужчин, – прошептала девушка, и смело прильнула к нему.

Ее татуированный животик коснулся плавок Заколова. Гибкие ладошки обвили плечи парня, Лариса плавно прикрыла ресницы и прижалась открытыми губами к его губам. Два стройных тела слились в долгом активном поцелуе. Приятно пораженный Тихон быстро расплылся. Он крепко обнимал девушку, ласкал ее спину, но когда его ладонь сползла под купальник на выпуклые ягодицы, Лариса отстранилась и скомандовала:

– Я вся горю. Поплыли!

Теплая июльская вода ласково обняла их тела. Они плыли брасом, небольшие встречные волны норовили захлестнуть лица, волосы девушки быстро намокли и вытянулись. Тихон плыл чуть впереди, и все время оглядывался на Ларису. Она сосредоточенно смотрела на каменный островок, который никак не приближался. Заколов плавал хорошо и мог легко доплыть до острова и вернуться обратно. Однако движения девушки теряли уверенность. Она упорно продолжала плыть вперед, хотя на обратный путь сил могло и не хватить.

– По-моему, пора назад, – предупредил Тихон.

– Нет, – отказалась Лариса, выпустив воду изо рта.

Тихон решил напугать упрямицу.

– Посмотри, берега уже совсем не видно.

Девушка оглянулась. Темная водная гладь сливалась с чернотой суши, терялось ощущение расстояния, и казалось, что пловцы находятся посередине безбрежного океана. Лариса дернулась и посмотрела на остров. Она нервно всматривалась в каменную скалу, пытаясь понять, куда плыть ближе. Тихон уже собрался успокоить Ларису, как девушка вцепилась в его плечо и испуганно произнесла:

– Там кто-то есть.

Тихон усмехнулся.

– На островок даже рыболовы не заплывают. Тем более, ночью.

– Он большой. Это не человек!

– Всё. Глюки.

– Я видела его.

– Плыдем обратно. Только не паникуй. – Он направил девушку к берегу. Она плыла нервно. Тихон успокаивал: – Не спеши. Следи за дыханием. Я рядом, и всегда помогу.

Когда они вышли на берег, Ларису колотил нешуточный озноб, она едва держалась на ногах. Заколов укорял себя. Он невольно напугал девушку до такого состояния, что ей помешалось чудовище.

– Накинь мою футболку. Когда подсохнешь, оденешь платье.

– Там кто-то был, – цокая зубами, твердила девушка. – Он выполз из воды. Горбатый и страшный.

– Балхашское чудовище, – усмехнулся Заколов. – Как Лохнесское. Днем его никто не видит, а ночью – каждый второй.

– Не смейся. Я видела своими глазами. Это было что-то странное.

– Лариса, тебе показалось. Забудь. Мы на берегу. Сейчас обсохнешь, и поедем в гостиницу. – Тихон смотрел на стройные ноги девушки, которые казались очень бледными на фоне черных скал. – Тебе надо загорать. Сходи днем на пляж. Там нет никаких чудовищ, это я гарантирую.

– Я плохо загораю. Сначала становлюсь розовой, а потом выступают веснушки.

– Где?

– В Караганде! На носу конечно. И много, – грустно вздохнула Лариса.

– Мне нравятся веснушки. Они бывают только у добрых.

– Правда?!

– Это мое личное наблюдение.

– Ты еще меня не знаешь. Пойдешь со мной на пляж?

– Утром мне на практику.

– Надолго?

– И друг у меня в госпитале в тяжелом состоянии.

– Что с ним?

– Получил ранение в Афганистане.

– Он воевал?

– Да. Но пострадал от своих.

– Какой ужас! Так не должно быть.

– Логично. Вот с этим я и хочу разобраться.

Расстались молодые люди около гостиницы. Трушина чмокнула Заколова в щеку и ткнула пальцем в живот.

– Ого, какой пресс! – удивилась она.

– А у тебя? – Тихон решил проявить инициативу и обнял Ларису за талию.

Но девушка ловко выскользнула и убежала в гостиницу. В дверях она обернулась и крикнула:

– Завтра, когда освободишься, позвони мне. Я буду ждать. Мой отец вечно занят, а в городе я никого не знаю.

Заколов проводил девичий силуэт теплым взглядом. В груди шевельнулись позабытые чувства, которые он сознательно прижигал в душе более года. Очень больно терять любимую, но этого можно избежать. Если... если не влюбляться.

Радиограмма.

Игла Центру.

Сегодня прошли испытания С-300. Поражены три цели из четырех на высотах от ста метров до четырех километров. Это существенный шаг вперед. Все опытные образцы и документация находятся сейчас только на полигоне. Считаю, что к операции «Крах» надо приступить немедленно.

8. В городе действует шпион

– Полковник Евтушенко слушает... Что, опять? Не может быть! – гремел голос старшего Евтушенко в телефонную трубку. – Запеленговали? Сектор известен? Срочно сообщите в особый отдел.

Всю семью разбудил ночной звонок. По тревожному тону отца и упоминанию особого отдела, занимавшегося госбезопасностью, Александр понял, что произошло нечто очень серьезное. Сон как рукой сняло. Он вышел в коридор, но отец уже переместился на кухню и прикрыл дверь. Затренькал телефонный диск. Полковник войск связи прочистил горло и заговорил приглушенным басом:

– Привет, Степаныч. Извини, что ночью. Докладываю тебе, как военному прокурору. Мои дежурные на радиолокаторе зафиксировали неизвестный передатчик. Дважды за сутки! На этот раз определили сектор. Сигнал шел со стороны озера и был зашифрован. Направлен на спутник. Понимаешь, что это значит?.. В городе действует шпион! Его активность связана с последними испытаниями на полигоне... Да всё я знаю, Степаныч! Особисты извещены. Вот увидишь, скоро обратятся к тебе и припадут твоих следов, пока московские спецы не подтянутся. А ты, тем временем, можешь отличиться... Как? Сам соображай! Радист работал с поверхности воды. Значит, использовал лодку. Надо проверить все катера на причалах. Движок быстро не остынет, щупайте... А что боксы? Осуществите проверку соблюдения норм технической и противопожарной безопасности. Давно, кстати, пора. опередишь особистов – вся слава тебе. И о Петре Васильевиче Заколове добрым словом вспомнят, он же предупреждал. Поднимай следователей. Новая звездочка на погонах быстрее появится, да и орден дадут.

Телефонный разговор закончился. Александр приоткрыл дверь и осторожно поинтересовался:

– Что-нибудь случилось?

Озабоченный полковник оценивающе взглянул на сына. Рассказывать или нет – читалось в его взгляде.

– Я всё слышал, – помог отцу Александр.

Сидевший за столом, полковник сцепил руки и уткнулся в них подбородком.

– Поздно вечером запеленговали вражеский передатчик.

– Почему вражеский?

– Глупый вопрос. Потому что в закрытом городе все средства связи наперечет.

– Шпион?

– Наверняка.

– На кого он работает?

– Многие страны НАТО интересуются нашим новым зенитно-ракетным комплексом.

– Я могу чем-нибудь помочь?

– Хороший вопрос. – Полковник откинулся на спинку стула и по-новому взглянул на взрослого сына. Почти двадцать два – совершеннолетний по всем критериям, четыре года живет самостоятельной жизнью в другом городе, а он все еще считает его мальчишкой. Евтушенко-старший устыдился былых мыслей и решился. – Один, вряд ли поможешь. А вот с Заколовым можете попробовать.

Александр сел напротив отца.

– Как?

– Передатчик включился вчера. До этого ничего подобного не было. Значит, радист появился в городе накануне. Или ему привезли детали для сборки передатчика. Чуешь?

– Не совсем.

– Тихон тоже прилетел вчера. Спроси его, не заметил ли он что-нибудь подозрительное в самолете? Он хваткий на такие вещи, весь в отца. Это первое. И второе. Передатчик, передатчиком, но разведывательная информация добывается в других местах. Утечка возможна непосредственно на полигоне, где находится зенитная установка. Или из вычислительного центра, где обрабатываются данные испытаний. У вас практика на ВЦ?

– Да.

– Вот и приглядитесь там.

– К чему?

– К утечке информации!

Александр задумался и нерешительно спросил отца:

– Ты позвонил прокурору, а как же КГБ? Ведь шпионами занимаются они.

Под Евтушенко-старшим заскрипел шаткий стул. Он нахмурился и задумчиво произнес:

– Полгода назад ко мне обратился Петр Васильевич Заколов. Он уже тогда подозревал, что на полигоне орудует вражеский агент. Но особы лишь презрительно фыркали. Для них такой прокол – крах карьеры. Явных фактов не было, никто не верил Заколову. А потом прокурор с женой поехал в отпуск и там погиб. – Полковник замолчал, несколько раз сжал и разжал кулак. – Если сейчас шпион будет пойман, и выяснится, что он действует давно, правота Заколова подтвердится. Я считаю, что прокуратура обязана отстоять честь своего погибшего товарища, поэтому и позвонил им. А госбезопасность и так работает. Охраняют главного конструктора, будут расшифровать перехваченное сообщение, допросят всех без разбору. Это они сделают. И еще много чего наворотят, чтобы задницу свою прикрыть... Но если вы наткнетесь на что-то подозрительное, сообщайте мне или Крюкову. Он был заместителем Заколова, и обязательно примет меры.

– Хорошо, мы попробуем, – согласился с доводами отца Александр. Он знал, что Тихон будет рад узнать что-то новое о своем отце и помочь следствию в таком важном деле.

Полковника опять одолели сомнения. Не втягивает ли он ребят в слишком опасную тайну?

Стрелка часов перевалила за час ночи. Мягко щелкнул выключатель радиоприемника. Маленький наушник привычно лег в ушную раковину. Пальцы уверенно настроили знакомую станцию в коротком диапазоне волн. Сквозь посторонний волнообразный шум прорезался женский голос:

– Вы слушаете «Голос Америки» из Вашингтона. А теперь, как обычно в конце новостей, любопытные факты. Оказывается, больше всего долгожителей, перешагнувших столетний рубеж, проживает сейчас в Токио – 1268. А вот данные статистики по долгожителям в других городах мира. Лондон – 861, Копенгаген – 54, Нью-Йорк – 732, Мельбурн – 94, Париж – 323, Лос-Анжелес – 218, Торонто – 75...

Человек, слушавший передачу, аккуратно переписал цифры в блокнот. Новости закончились. Рука потянулась к книге, зашуршали страницы. Вскоре под цифрами появился текст:

Центр Изле.

Начало операции «Крах» подтверждаем. Помимо разрушения объекта, необходим захват документации. В случае копирования, первоисточник подлежит уничтожению. Разрешаем применять любые методы. При необходимости, вам будет обеспечена срочная эвакуация.

Ранним утром Тихон Заколов в шортах и футболке выбежал из общежития. Подбежав к городскому пляжу, он на ходу скинул одежду и бросился в озеро. Мягкая прозрачная вода приятно охлаждала разгоряченное тело. Натренированные мышцы работали слаженно. Тихон уверенно плыл кролем, удаляясь от берега. Метров через пятьсот он развернулся, и обратно

поплыл на спине. Восходящее солнце играло каплями брызг, превращая их в яркие стразы. К берегу Заколов подплывал брасом, усмиряя дыхание.

На пляже несколько человек делали зарядку. Когда Тихон вышел из воды, один из них пристально посмотрел на него, покачивая в руке тяжелый камень. Заколов прошел мимо. Он не заметил колючий взгляд, нацеленный в его затылок. Он думал о Ларисе. Ему хотелось, чтобы сейчас она была рядом.

Хмурый человек поднял булыжник на плечо, подравнял его, словно ядро, приметился – и, с видимым сожалением, толкнул в воду мимо головы Заколова.

9. НИЧ

В девять часов Тихон встретился с Евтушенко у проходной НИЧ, где располагался вычислительный центр, оснащенный самыми лучшими в стране компьютерами. Прежде чем заходить на сороковую площадку Евтушенко отвел друга в сторону и пересказал ночной разговор с отцом.

– На нашем полигоне орудует шпион? – удивился Тихон.

– Только не повышай голос.

– И мой отец об этом знал?

– Он догадался первый. После серии трудно объяснимых катастроф у следствия появились улики, а может и прямые доказательства.

– Почему же тогда отец не арестовал шпиона.

– Наверное, не успел.

Евтушенко невольно напомнил о неожиданной смерти родителей. Заколов недоумевал:

– И с тех пор никто ничего не предпринял?

– Или не захотел.

– Жаль, что я не контрразведчик.

– Тем не менее. Агент активизировался накануне. Возможно, это простое совпадение, а вдруг, это связано с прибытием вчерашнего самолета? Ты же там был. Проанализируй всё, что видел.

– Я больше думал о Королькове, чем наблюдал за пассажирами.

– Не прибедняйся, я тебя знаю.

Тихон кивнул, хотя не представлял, чем сможет помочь в столь серьезном деле.

– Бедный наш Витька, – вздохнул Александр.

– Сегодня навещу его маму. Надо прочитать недостающие письма.

– Ей сейчас не до тебя.

– Понимаю, но выбора нет.

Заколову выписали пропуск, друзья прошли на закрытую территорию.

– Знаешь, кто наш руководитель? – интригуя спросил Евтушенко, пока они топали к зданию вычислительного центра.

– Это не важно. Для меня было главным провести практику здесь, в Приозерске.

– Ольховский!

– Тот самый, который сломал позвоночник на трамплине, но продолжает работать?

– Да. Мировой мужик.

– Я его вчера видел. Уверенный, подтянутый, но в инвалидной коляске.

– Да, по-прежнему парализован. Но рассказывают, что его дом, машина и рабочий кабинет хорошо приспособлены для передвижения в инвалидном кресле. В науке главное не ноги, а голова. А с головой у него всё в порядке. Четко поставил задачу, дал направление. Игорь Анатольевич, правда, очень занят, и нас курирует Анастасия Мареева.

– Это кто?

– Его новая жена. Гражданская.

– Тогда, я ее тоже видел, просто не знал имени. И что, она хорошо разбирается в аэродинамике?

– Нет. Она специализируется на обработке информации. Выделила нам время на ЭВМ. Если потребуется, поможет в отладке программы.

– С этим мы и сами справимся.

– Я тоже так думаю. Только нас закрепили за маломощным компьютером. Самые лучшие используют военные.

– А для решения уравнений Эйлера требуются огромные ресурсы, – заметил Тихон, намекая на тему практики. – Нам придется двигаться с черепашьей скоростью или жертвовать точностью.

– Выбор не из лучших. Но я кое-что придумал.

Молодые люди вошли в огромное здание и двигались по длинным петляющим коридорам со многими ответвлениями. На каждой двери красовался кодовый замок. Некоторые коридоры были перегорожены, приходилось, то подниматься по лестницам, то опускаться на этаж.

– В первый день я здесь заблудился, – признался Александр.

– Это логично. Если у нас карты городов выпускают с ошибками, чтобы запутать шпионов, то секретные объекты, видимо, специально проектируют так, чтобы чужой человек отсюда никогда не выбрался, – пошутил Тихон.

– Кстати, утечка информации вполне возможна и отсюда. Нам надо вместе...

Договорить Александр не успел. Сразу за поворотом проход им перегородил суровый мужчина в сером костюме.

– Стоять! – без объяснений потребовал он, угрожающе сунув руку под оттопыренный пиджак.

10. Незаконное подключение

– Надо подождать, – более мягко пояснил хмурый человек.

По характерному каменному лицу и непроницаемому взгляду Заколов узнал в нем одного из охранников академика Трушина. За его спиной появился главный конструктор зенитно-ракетного комплекса в сопровождении второго охранника. За ними следовал тучный озабоченный полковник в очках из темного пластика. Академик быстро набрал код и открыл дверь в машинный зал центральной ЭВМ. Внутри он вошел вместе с охранником. Полковник зайти не решился и переминался в коридоре напротив открытой двери. Заколов заметил, как Трушин достал из своего портфеля большую бобину с магнитной лентой и вставил ее в вертикальный ленточный накопитель. Охранник остался на посту рядом с лентой, а тот, что был в коридоре, последовал за академиком и полковником в соседнюю комнату с мониторами.

– Лысый товарищ часто здесь бывает. Но никогда я не видел таких строгостей, – удивился Евтушенко, когда коридор опустел.

– Это академик Трушин. Главный конструктор новейшего вооружения.

– Теперь понятна секретность. А рядом с ним был командир НИЧ полковник Пичугин Вячеслав Кондратьевич. Он постоянно вертится около академика.

– Наверное, помогает в разработках.

– Полковник, скорее администратор, чем ученый, – на ходу объяснял Евтушенко. – Хотя кандидатская степень у него имеется.

Он набрал код на двери, и друзья вошли в следующую по коридору тесную комнату без окон с тремя мониторами, громоздким принтером и массивным измельчителем бумаги в углу. За одним из экранов сидела брюнетка в белом халате. Она провернулась на вращающемся кресле и с любопытством сфокусировала цепкий взгляд на новичке.

– Здравствуйте, – вежливо кивнул Тихон. Он узнал молодую женщину, наделавшую шум и вызвавшую уважительное удивление у всего городка, тем, что стала жить с инвалидом Ольховским.

Евтушенко поправил дужку очков и представил друга:

– Доброе утро, Анастасия. Это Тихон Заколов. Прибыл на практику из Москвы. У нас с ним общая задача.

– Очень приятно. Располагайтесь.

Тихон осмотрелся.

– Тесновато здесь. И как-то мрачно, даже окон нет.

– Это секретный объект министерства обороны, молодой человек, – холодно сообщила Мареева. – Всё, что вам требуется для работы: голова, бумага и доступ к компьютеру – здесь умещается.

– И даже электрический чайник, – радостно дополнил Евтушенко. – Может, кофе?

Женщина сдержано улыбнулась, продолжая разглядывать Заколова.

– Я уверена, Александр введет вас в курс дела. Если возникнут сложные вопросы, обращайтесь ко мне. Хотя, если всё, что рассказывал о вас ваш друг, правда, вы вдвоем справитесь с любой задачей.

Анастасия Мареева отключила свой монитор и вышла. Под распахнутым белым халатом стройную фигуру облегал модный деловой костюм.

– У нее в вычислительном центре несколько рабочих мест, – пояснил Евтушенко. – А у нас одно. Располагайся. Отсюда мы корректируем данные, – он похлопал по клавиатуре, а затем указал на принтер: – Ну а здесь смотрим ошибки.

– И опять корректируем.

– Не без того, – улыбнулся Александр и развернулся к измельчителю бумаг. – А в пасть этого монстра мы запикиваем свои ошибки, чтобы их никто никогда не увидел. По инструкции требуется уничтожать даже черновики.

– И всё держать в голове?

– Готовые работы сдаются в секретную часть. И выдаются только под пропуск, без которого с территории не выйдешь. Придется к этому привыкать.

– Я позвоню в госпиталь, – заметив телефон, решил Заколов. Он набрал рабочий номер медсестры Екатерины Гладковой, выслушал ее и положил трубку. На лице появилась сдержанная улыбка. – Королькова сейчас оперируют. Сам Шаповалов, главный хирург.

– Представляю, как переживает его мама.

– Она еще не знает. Ей сообщат только о результате. Операция сложная и рискованная. Анна Федоровна лежит дома и держится на уколах.

– Только бы всё прошло нормально.

– Когда он заговорит, мы узнаем правду о ранении. Его повесть полна загадок.

– Ты думаешь, что Витьку пытались убить свои?

– Подождем. Осталось недолго. А пока, раз тебе поручили, вводи меня в курс дела.

Евтушенко накинул белый халат и показал на стопочку бумаг на столе.

– Задачу я частично формализовал. Начал писать программу. Отдельные блоки уже отлаживаю. Вот здесь промежуточные результаты.

Заколов пролистал, вздохнул.

– Не густо. Компьютер нам выделили маломощный.

– Да. Консоль напрямую подключена к ЭВМ с низкой производительностью. Но есть одна хитрость. – Александр сел за монитор и застучал по клавишам. – На вычислительном центре все компьютеры соединены в единую внутреннюю сеть. Но чтобы к ней подключиться, нужно знать коды доступа.

– И?

– Это оказалось непростой задачей. Здесь особый режим секретности.

– Но ты с ней справился?

Евтушенко откинулся на спинку кресла и, едва сдерживая гордость, скромно ответил:

– Было трудно.

– Так вот ты чем неделю занимался вместо того, чтобы оптимизировать программу.

– Зато мы теперь имеем доступ ко всем ЭВМ, в том числе, к центральной, на которой работает академик Трушин. Вот смотри, – Евтушенко проделал несколько манипуляций на клавиатуре и сообщил: – Теперь я подключен к центральному процессору. И вижу всё, что происходит там в данный момент.

– И чем же занят академик?

– Судя по всему, просчитывает варианты с учетом новых данных, чтобы улучшить конструкцию.

– И при желании ты можешь скопировать секретные сведения?

– Это достаточно сложно. Трушин хранит всю информацию на магнитной ленте, которая всегда при нем. Все изменения он производит непосредственно на ней, минуя промежуточные носители. Эти изменения незначительны. Лента ускоренно проматывается до нужной метки, после чего происходит запись, во время которой над лентопротяжным механизмом загорается красная лампочка, и бобина вращается достаточно медленно. Я думаю, охранник, который находится рядом с ленточным накопителем, осведомлен об этом. Чтобы скопировать всю информацию, а она достаточно объемная, надо прокрутить на скорости считывания магнитную ленту от начала до конца. Это не останется незамеченным для профессионала.

– Но теоретически можно что-то придумать.

– Если только теоретически.

– Как?

– Хочешь поставить себя на место шпиона?

– Пока о нем ничего не известно, не будем считать его глупее нас.

– Можно, например, отдельными кусками в течение нескольких дней копировать информацию на магнитный диск. Причем, незаметно подстраиваясь под работу академика. Куски будут идти вразнобой, пересекаться и тому подобное. Затем надо проанализировать информацию, выстроить ее в нужном порядке, убрать нахлесты и слить в единое целое. Эта задачка для очень талантливого компьютерщика.

– Но все-таки она решаема?

– Ты беспокоишься о государственных секретах? Так вот, копирование ничего не даст. Сейчас не существует маленьких магнитных носителей огромной емкости. Информация займет точно такую же ленту или еще более громоздкий диск. Его не пронесешь незаметно через проходную. Но даже, если бы существовал миниатюрный магнитный носитель, ничего не получится!

– Почему?

– На выходе каждый проходит через арку с сильным электромагнитным полем. Она испортит информацию на любом магнитном носителе. Через нее проходят все, даже командир части Пичугин.

– А как же Трушин?

– Он тоже. Только для его портфеля делается исключение.

Заколова удовлетворили объяснения друга.

– Значит, если на ВЦ действует агент вражеской разведки, ему тут ничего не светит.

– Да. Проще похитить портфель академика вне части.

– Но для этого существуют охранники, которые всюду следуют за Трушиным. Они вооружены.

– Вот и хорошо. Я отсоединяюсь от центрального компьютера, – сообщил Александр. – Для наших нужд есть компьютеры попроще. Можно подсоединиться ко второму по мощности, и в фоновом режиме отлаживать нашу программу. Это всё равно будет быстрее, чем на той микро-ЭВМ, с которой нас законтачили.

Евтушенко, как пианист, исполняющий увертюру, прошелся пальчиками по клавишам, и хотел с напускной скромностью сообщить о своем новом успехе, но неожиданно его лицо приняло озабоченное выражение.

– Странно. Ничего не понимаю, – твердил он, вглядываясь в зеленый экран монитора. – Обычно ее ресурс используется процентов на двадцать, а сейчас на все сто. Кто-то запустил мощную циклическую программу. Такое впечатление, что идет бесконечный перебор вариантов.

– Как при расшифровке сложного кода? – заинтересовался Тихон, вспомнив про перехваченную радиограмму.

– Похоже.

– На ВЦ могут работать контрразведчики?

– Здесь столько людей в погонах. Каждая группа трудится за закрытыми дверями. Какие задачи они решают, можно только догадываться.

– В наше время безопасность государства обеспечивается не столько мускулатурой и стрельбой, сколько хорошими мозгами.

– Которым помогает современная вычислительная техника. В этом случае нам с тобой, Тихон, достается только микро-ЭВМ.

11. Материнское горе

Заколов стряхнул паутину с замка, провернул ключ и открыл гараж. Белые «Жигули» пятой модели улыбались широкой решеткой радиатора долгожданной встрече. Тихон открыл капот, качнул несколько раз бензонасос и протиснулся за руль. Еще полгода назад здесь сидел отец. Теперь его нет. Как и мамы. Годовалая «пятерка» и сберкнижка с огромной для студента суммой – несоизмеримое утешение. Тихон выжал сцепление и провернул ключ. Автомобиль послушно завелся и выкатился за порог. Все датчики говорили об исправности машины.

У задней стены гаража уныло громоздились несколько коробок. Это то, что, по словам Крюкова, не подлежало продаже. Трепетные пальцы разогнули картонные крышки. Семейные фотографии, альбомы, письма, блокноты с записями, рукоделие матери и полковничий мундир с наградами. Среди прочего Тихон обнаружил офицерский кортик отца, полученный после окончания с отличием военного училища, и свои потертые боксерские перчатки, с которыми он постигал искусство кулачного боя.

Под коробками Тихон узнал ящик с радиодетальями. Когда-то он с удовольствием разбирался в хитроумных радиосхемах и собирал самые разные устройства, начиная с банальных транзисторных радиоприемников и заканчивая оригинальной подслушивающей безделушкой, которую разместил в учительской, чтобы на час раньше узнать темы выпускного сочинения. За этот «подвиг» он удостоился поцелуя самой неприступной отличницы, шедшей на золотую медаль.

Поверх радиодеталей валялась большая рогатка, согнутая из толстой проволоки, с прочной белой резиной, вырезанной из противогоза. Тихон с удовольствием повертел в руках опасную самоделку, невольно вспоминая о юношеских шалостях.

Погружение в школьные годы вернуло его к действительности.

Корольков!

Тихон покинул ВЦ и пришел в гараж за машиной, чтобы навестить маму Виктора Королькова. Он уже знал, что операция в госпитале прошла успешно, и хотел сам сообщить ей эту радостную новость.

Через десять минут «пятерка» затормозила у знакомого подъезда, ноги стремительно вознесли Тихона на второй этаж.

– Заколов, – узнала одноклассника сына Анна Федоровна. – А Витя...

– Я знаю. Я был у него вчера.

– А я только сегодня начала вставать. – Взгляд постаревшей женщины прошелся по брюкам Тихона и остановился на модных кроссовках. – Никак не могу привыкнуть, что Витя теперь без ноги.

По щекам женщины заскользили прозрачные слезинки. Она их не стеснялась, и даже не пыталась стереть.

– Анна Федоровна. Сегодня Шаповалов сделал Виктору операцию. Только не волнуйтесь. Он заверяет, что результат хороший.

– Да как же это я... Да что же, – засуетилась женщина. – Надо ехать к Вите.

– Я для этого и приехал, помогу вам добраться. Только вы не торопитесь. Витя пока находится под действием наркоза. Но это временно. Главный хирург заверил, что скоро он придет в сознание.

– Ты думаешь? Он очнется после стольких дней?

– Наверняка. Вы пока собирайтесь, а я, если можно, посмотрю его письма. Вы ведь знаете, что Витя по очереди посылал отрывки повести вам, мне и Евтушенко. Я хочу соединить их вместе. Как он задумал. Ему будет приятно. Вот наша часть писем. – Заколов показал папку с исписанными тетрадными листками.

– Витины письма? Они на столе. Я читала их, читала... Каждый день просматривала.

– Я разложу их в правильном порядке и оставлю вам. А когда Виктора выпишут, мы соберемся и прочтем повесть целиком.

– Конечно, конечно. Ты проходи. А я переоденусь.

Женщина удалилась в соседнюю комнату. Тихон сел за стол. Солдатские письма Королькова хранились в потертых конвертах. Заколов рассортировал их по датам и стал быстро просматривать страницы с отрывками повести. Те части, которые были направлены ему и Евтушенко, он уже хорошо изучил. Недостающие звенья постепенно дополнили общую картину, соединив разрозненные куски в единый незамысловатый сюжет.

Корольков писал историю солдата, попавшего служить в Афганистан. Там он встречает braveго капитана, который оказывается старшим братом одноклассника главного героя. Их общие воспоминания связаны с военным городком на Урале. Капитан помогает солдату преодолевать тяготы службы, предостерегает от глупых ошибок, приглядывается, как тот ведет себя в опасных ситуациях. В одном из боев капитан спасает солдата от неминуемой гибели. Рядовой дает клятву верности офицеру, и выполняет его мелкие поручения. Постепенно задания капитана становятся всё более странными. Солдат понимает, что его втянули в нечто противозаконное. Однажды он становится свидетелем происшествия, с которым не может смириться. Солдат требует объяснения у капитана, но тот ставит его перед жестким выбором. Или – с ним, или – неминуемая смерть! Солдат внутренне сопротивляется предложению, хотя понимает, что угроза расправы абсолютно реальна. Времени на раздумья у него слишком мало.

На этом повесть обрывается. Главный герой не успевает принять решение и устранить угрозу. А Витка Корольков попадает в госпиталь с тяжелейшим ранением. Вот такое загадочное совпадение текста и жизни.

Заколов сложил стопку листков по центру стола и задумался. Имен действующих лиц Виктор не раскрыл. Солдата он называет Ты, а офицера Капитаном. Но в тексте слишком много узнаваемых деталей. Они просто кричат о том, что повесть носит документальный характер.

Анна Федоровна вошла в комнату и беспомощно развела руки.

– Если бы Витя мог кушать, я бы взяла продукты. Сейчас арбузы уже пошли. Он их так любит.

Заколов продолжал сопоставлять факты.

– Анна Федоровна, Виктор пошел в школу на Урале?

– Да. И закончил там первые два класса. Потом мужа перевели служить сюда.

– Вы помните Витиных одноклассников. Был у кого-нибудь из них старший брат, который потом поступил в военное училище?

– Мы давно оттуда уехали.

– Может, кого-нибудь припомните?

– Старшие братья, конечно, были. И по стопам отцов многие пошли, стали офицерами. Мы ведь жили в войсковой части. А зачем тебе?

Зазвонил телефон. Анна Федоровна вздрогнула и осторожно подняла трубку. По мере того, как она слушала, ее осунувшееся лицо светлело, а в грустных глазах разгорались огоньки счастья.

– Еду, – чуть слышно выдохнула она, и плавно опустила трубку, словно та была хрустальной. – Витя открыл глаза. Катенька Гладкова звонила, медсестра. Она ухаживает за Витей. Такая заботливая девушка. Не замужем, и в школе они одно время вместе сидели. Я грешным делом подумала, что если бы Витя...

Женщина затихла и привычно смахнула наворачившуюся слезу. Тихон вспомнил сегодняшний разговор с Екатериной. Сообщив об операции, она не преминула напомнить, что ее двери для него всегда открыты. Смущенный Заколов пробурчал что-то нечленораздельное, а она прямо спросила: «У тебя кто-то есть?». В голове сразу вспыхнул образ взбалмошной голу-

боглазой Ларисы Трушиной. Ее непокорные рыжие кудри оставляли в глубокой тени опрятную каштановую челку скромной медсестры. И еще он подумал, что Лариса никогда не будет просить, а смело возьмет то, что ей понравится.

Анна Федоровна привела лицо в порядок и серьезно спросила:

– Как ты думаешь, Витя может понравиться девушкам?

– Конечно! Вы вспомните про Ольховского. А Виктор молодой, крепкий...

– Да-да, – воспряла духом женщина. – А ведь у Ольховского всё гораздо тяжелее.

– Вот я и говорю, Виктор справится. Что вам сказали по телефону? Он очнулся, разговаривает?

– Пока нет, но всё понимает. Зрачки подвижны.

– Тогда поехали, – вскочил Тихон. Ему не терпелось узнать о таинственном капитане, который угрожал убийством герою повести, и, скорее всего, был причастен к реальному покушению на Виктора.

Заколов помог женщине сесть в машину, и минут через пятнадцать они были в госпитале. У входа в хирургический корпус их встретила Катя Гладкова.

– И ты приехал, – медсестра радостно стрельнула глазками по Тихону, но тут же со скорбным видом обняла Анну Федоровну. – Теперь Витя пойдет на поправку, я только что от него, – успокаивала она вновь заплакавшую женщину. – Шаповалов сделал всё возможное. Он уверяет, что кризис позади, и нужно ждать улучшений.

– Слава Богу, слава Богу, – причитала Анна Федоровна.

– Пройдемте. Сейчас я вам выдам халаты. Витя вот-вот заговорит.

Около небольшой раздевалки на первом этаже, где они получили халаты, Катя радостно шепнула Тихону:

– Завтра мне родинку удалят. Я Шаповалова упростила. – Видя его недоумение, она убежденно затрясла головой. – Ты не думай, никакого шрама не останется.

– Замечательно, – кивнул Тихон и провел рукой сверху вниз по плечу девушки, чем вызвал ее счастливую улыбку.

Он надел один из протянутых халатов, а другой накинул на плечи Анны Федоровны. Все трое стали подниматься по лестнице. Катя шла впереди, гордо цокая каблучками новых австрийских туфель. Пусть они еще натирают пятку, зато в туфельках при встрече с Тихоном девушка чувствовала себя гораздо увереннее. Теперь он наверняка оценит красоту ее ног.

Заколов поддерживал взволнованную женщину. Анна Федоровна останавливалась после каждого поворота и торопливо крестилась, беззвучно шепча губами. Между вторым и третьим этажом им навстречу попался лейтенант Олег Григорьев. Заколов с удивлением узнал попутчика, с которым познакомился в самолете.

– Привет, Олег. Только начал служить и уже по врачам? – с улыбкой спросил он.

– Да так. Обследование, – замялся Григорьев. Заметив Катю, он еще больше смутился и вжался в стенку, чтобы освободить проход.

– Вам помощь больше не нужна, лейтенант? – строго спросила медсестра.

Григорьев замотал головой и поспешил вниз по лестнице, на ходу буркнув:

– Я в часть.

– Ох уж, это мне обследование, – усмехнулась Катя. – Он с лампочкой во рту к нам прибыл.

– Какой лампочкой? – не понял Тихон.

– Обыкновенной. Электрической. 60 ватт, 220 вольт. Офицеры над ним подшутили. Он на спор лампочку в рот сунул, а обратно – никак!

– Почему? – удивился Тихон.

– Сомневаешься? Тогда попробуй, повтори героический фокус. Будешь очередным, кто попался на эту удочку. Дело в строении челюстных мышц: они позволяют открыть рот на мак-

симальную ширину лишь в том случае, если сначала он полностью закрыт. Когда лампочка уже во рту, мышцы слишком напряжены, чтобы челюсти можно было раздвинуть еще шире.

– И что же делать?

– Или усилием воли раздавить лампочку, тогда без ран не обойтись. Или к врачу. Мы сделали специальный укол, расслабляющий мышцы.

Тихон представил лейтенанта с разинутым ртом и торчащим оттуда цоколем лампочки. Как в таком виде он добирался до госпиталя? И много ли было доброхотов, желавшим подключить к ней электричество? Армия всегда отличалась *добрыми* шуточками.

У входа на третий этаж кто-то окликнул медсестру, и она осталась на лестнице. Тихон с Анной Федоровной вдвоем прошли по длинному коридору. У реанимационной палаты, в которой лежал Корольков, Анна Федоровна остановилась.

– Сначала я одна, – робко попросила она.

– Конечно, – согласился Тихон.

Женщина вошла в палату, прикрыла за собой дверь. Заколов остался в коридоре, размышляя, как сформулировать вопрос Виктору, чтобы выяснить виновника, произошедшей с ним трагедии и не испугать лишний раз Анну Федоровну. Дело представлялось не столь уж и простым.

Неожиданно его мысли прервал женский вскрик, раздавшийся из палаты, и шум грузного падения. Он рывком распахнул дверь. На полу, беспомощно раскинув руки, лежала Анна Федоровна. «Ох, эти женщины! Падают в обморок даже от счастья», – подумал Тихон. Но, переведя взгляд на кровать, он замер в тревожном недоумении.

Худое перебинтованное тело Виктора Королькова было изогнуто, рот оскален, а пальцы рук сжаты, словно от невыносимой боли. Тихон подошел ближе. Застывшая в неестественной позе фигура не подавала никаких признаков жизни, матовое лицо излучало пугающий холод.

12. Невосполнимая утрата

– Врача, – сипло выдавил Заколов, откашлялся и крикнул: – Врача! Срочно!

Хлопнула дверь. Из-за спины появился мужчина в светло зеленом халате с засученными рукавами, видимо хирург. Уверенная рука отстранила Тихона. Врач потрогал шею Виктора, посмотрела на приборы, болтающиеся электроды дефибриллятора, и с горечью произнес:

– Поздно. Он мертв.

– Но почему?! Ведь операция завершилась успешно!

– Хирургическое вмешательство ни при чем.

– Тогда что же?

Невозмутимый хирург продолжал осматривать тело.

– Его ударили сильным разрядом тока. Держали долго. Взгляните.

На груди Виктора, выше бинтов, виднелось обожженное круглое пятно. Только сейчас среди концентрированных медицинских запахов Тихон почувствовал едва уловимый аромат жженого мяса. Он не верил своим глазам.

– Это убийство?

– Несомненно. Врачи так не действуют.

– Но ведь еще пятнадцать минут назад он был жив. Даже меньше! – Заколов припомнил слова Кати о том, что она недавно посещала Королькова.

– Выйдите из комнаты и сообщите дежурной. А я займусь женщиной.

Врач склонился над упавшей Анной Федоровной. Тихон в скорбном молчании покинул палату. Виктора больше нет. Он унес с собой тайну закодированной повести. Кто-то словно специально позаботился об этом.

Заколов недолго пребывал в растерянности. Спустя минуту, он устремился по больничному коридору. Он искал Екатерину Гладкову. Чтобы восстановить картину произошедшего в реанимационной палате, надо расспросить ее как можно скорее. Он заглядывал в каждую дверь, но худенькой медсестры с нелюбимой родинкой на щеке нигде не было.

Где же Катя? Она последняя, кто видел Королькова живым. Что произошло после ее звонка? Кому еще она сказала, что Виктор пришел в сознание? Кто заходил в его палату кроме нее? Только она может ответить на эти вопросы.

Неожиданно его поразила неприятная мысль. Тихон остановился как вкопанный, его лоб покрылся испариной. Если Катя скрылась специально, то она тоже причастна к подлому убийству!

Заколов не знал, что и думать. Гладкова встретила их на лестнице, но в палату не пошла. Испугалась разоблачения? Она уже знала, что там увидит? Или это случайность. Он припомнил, что ее кто-то позвал. Но это было за его спиной, и он не видел этого человека, даже не расслышал его голос. Где, черт возьми, она?! На другом этаже?

Тихон выглянул на лестничную клетку и решил подняться на следующий этаж. За поворотом он обнаружил, что короткий пролет ведет к металлической лесенке на чердак. Рядом виднелась невысокая фанерная дверца, выкрашенная, как и стена, зеленым цветом. В таких местах обычно хранят инвентарь для уборки помещений. Он хотел уже спускаться, но заметил на ушках для навесного замка оборванную проволоку. Кто-то второпях, неаккуратно вскрыл дверцу. В военном лечебном учреждении с идеальным порядком подобная халатность смотрелась дико. Тихон потянул на себя дверную створку.

Первое, что он увидел в темном чулане – это новенькие подошвы женских туфель с иностранной надписью под высоким каблуком. Они торчали носками вверх. Так брошенные туфли лежать не могут. Это противоречит законам физики.

Заколов наклонился и осторожно заглянул внутрь.

Его ждал новый удар. Еще более сильный, чем при виде Королькова.

13. Двойное убийство

В чулане была та, кого он искал.

Тело медсестры Кати Гладковой покоилось поверх стопки веников. Тихон попробовал рассмотреть ее лицо. Тонкая шея была стянута веревкой, глубоко врезавшейся в нежную кожу. Он попытался прощупать пульс на запястье. Ничего, хотя рука еще не успела остыть. Тихон снял свои часы и прикоснулся циферблатом к губам девушки. Подождал. Стекло осталось сухим. Девушка была мертва.

Прежде чем в очередной раз поднимать панику, Заколов задумался.

Два убийства в хирургическом отделении в течение последней четверти часа. Как это могло произойти? Убийца, несомненно, действовал спонтанно и второпях, к тому же чертовски рисковал, ведь рабочий день не закончился и в отделении много сотрудников. Чем вызвана такая спешка? Допустим, кто-то узнает, что после операции Корольков идет на поправку и скоро заговорит. Это представляет для него смертельную угрозу, и он расправляется с беспомощным Виктором. За этим занятием его застанет медсестра, и он избавляется от опасного свидетеля.

Нет, не логично.

В последнем случае тело медсестры тоже покоилось бы в реанимационной палате. Значит, Катя не знала, что Виктор убит. Скорее всего, она видела, как убийца выходил из палаты, или сама рассказала ему о том, что больной очнулся. Тогда, после обнаружения трупа, она припомнила бы это обстоятельство, и некто неизвестный стал бы подозреваемым номер один. Но пока никто не увидел жертву, можно пригласить наивную медсестру для разговора на лестницу и там задушить ее.

Всё так и произошло, решил Тихон. Кто-то окликнул Катю, и она пошла, ничего не опасаясь. Убийцу следует искать среди тех, кто совсем недавно общался с Екатериной Гладковой.

Заколов сбежал вниз. Около реанимационной палаты Витьки Королькова уже суетился озабоченный медперсонал, пытались просунуть любопытные носы некоторые больные. Если сейчас он сообщит еще об одном убийстве, паники не избежать. Это только повредит расследованию.

Как поступить?

Мелькнула парадоксальная мысль: а если сделать вид, что медсестра Гладкова жива? Убийца очень спешил и вряд ли убедился в смерти Кати. Если он узнает, что она пришла в себя и может его разоблачить, то запаникует и наверняка пойдет на новое преступление. Тогда есть шанс его поймать.

Заколов вернулся к телу девушки, обыскал ее одежду. В кармане халата он нашел ключи, судя по всему, от квартиры. По ее словам, сейчас она проживала одна. Это упрощало задачу. Милая девушка звала его к себе, лелея добрые простодушные планы. Что ж, он воспользуется приглашением. Хотя и с опозданием.

Но для начала требовалось незаметно перепрятать труп. Глаза молодого человека посмотрели вверх. Решение пришло мгновенно. «Прости меня, Катя», – прошептал Тихон. Вскрыв простенький замочек, он перетащил легкое тело девушки на чердак. Люк захлопнулся, замок занял прежнее место. Дверцу в чуланчик Тихон оставил открытой. Пусть преступник видит, что девушки там нет.

Заколов вновь спустился в хирургическое отделение. В дверях злополучной палаты стоял Шаповалов и несколько озабоченных врачей. Главному хирургу что-то объясняли. Тот хмурился, вращал круглой, коротко стриженной головой, ощупывая всех присутствующих колючим подозрительным взглядом. Из больничных палат высовывались дотошные лица. Больные тревожно шушукались, стараясь не попадаться строгому начальству на глаза.

Анну Федоровну вели по коридору две медсестры, поддерживая под руки. На женщину, потерявшую сына, больно было смотреть. Однако Заколов быстро подошел к ней и пробурчал:

– Я уезжаю. Вас подвезти?

Как он и ожидал, убитая горем, Королькова ничего не ответила. Зато на него шикнула одна из медсестер:

– Уходите. Вы, что, не видите?

– Уже убегаю. Передайте, только начальству, что ваша коллега, Екатерина Гладкова, очень плохо себя чувствует и завтра на работу не придет. Я отвезу ее домой.

– Где она? Что с ней?

– Катя не может говорить. У нее что-то с горлом. – Заколов говорил нарочито громко. – Она уже в машине, а я спешу. Ведь рабочий день на исходе.

Он с озабоченным видом постучал по часам и убежал, позабыв снять медицинский халат. Некоторые, из находившихся в коридоре сотрудников, проводили хамоватого посетителя внимательным настороженным взглядом.

Сразу из госпиталя взволнованный Тихон Заколов поехал в гостиницу к Ларисе Трушиной. Обычно, приняв ответственное решение, он отбрасывал всякое сомнение и четко выполнял намеченный план. Но сегодня был особый случай. Не прошло и часа, как неизвестный дерзко убил двух его одноклассников. Угловатое девичье тело славной и наивной Кати Гладковой до сих пор оставалось лежать на чердаке, как ненужный хлам. Всю дорогу Заколов терзался: правильно ли он поступил, был ли другой способ найти убийцу, или надо было целиком положиться на следователей? Так или иначе, но возвращаться в госпиталь он не имеет права. Он должен схватить убийцу и сдать его военному прокурору Крюкову. Только так он может оправдать свой поступок в глазах окружающих.

Для организации полноценной засады ему требовалась помощница. С этой целью он подъехал к гостинице «Люкс» и вбежал в шестнадцатый номер. Лариса Трушина сидела на пуфике у большого зеркала и тщательно расчесывала влажные волосы широким гребнем. Из переносного импортного радиоприемника, стоявшего на трюмо, звучал проникновенный голос Джо Дассена.

– Ты ко всем так врываешься? – скосила хитрый взгляд девушка, продолжая приводить в порядок непокорные рыжие пряди.

– Извини. Обстоятельства, – оправдывался Заколов. Он вертел головой, бегло осматривая просторный номер. Посторонних в комнате не было.

– А если бы я была не одета?

Только сейчас Тихон заметил, что на девушке лишь короткая желтая футболка, едва прикрывавшая ягодицы. Он сдержанно улыбнулся.

– Эта футболка тебе очень идет.

– Да? А минуту назад и ее не было. – Она пристально смотрела на парня, изучая его реакцию. – Я вижу, тебя ничем не смутить.

– Я к тебе по делу.

– А я только что с пляжа. Поплавала. Одна. Днем я чувствую себя в воде увереннее.

– Лариса, я хотел попросить тебя о помощи.

– Вот как.

Девушка отложила гребень, встала и повернулась к Тихону. Широкий ворот футболки сбился на правую сторону, обнажая круглое плечо и трогательную ключицу. Твердые соски отчетливо виднелись сквозь тонкую ткань. Влажные волосы блестели вытянутыми спиральками. Стройные ноги можно было рассмотреть от накрашенных лаком ногтей, до того места, где легкий загар переходил в абсолютную белизну кожи.

Выждав паузу от произведенного эффекта и, в свою очередь, рассмотрев ладную фигуру парня, она взметнула ресницы и непринужденно поинтересовалась:

– О чем же ты собираешься меня просить?

– Лариса, – Заколов прилагал усилие, чтобы отвести взгляд в сторону, – мне надо, чтобы ты изобразила одну девушку.

– О! Ты вспомнил о моей будущей профессии.

– Это будет значительно проще, чем ты думаешь.

– Я не боюсь трудностей.

– Надо только лечь в кровать и...

– Какое интересное предложение. Когда? Где? Дай, угадаю. – Девушка картинно сдвинула брови, постучала пальчиком по нижней губе. – Здесь и сейчас! Правильно?

– Лариса...

– А что ты в это время будешь делать? Кого будешь изображать?

– Я буду тебя охранять.

– Ах! Теперь это *так* называется, – закивала головой девушка, искря глазками.

– Лариса, выслушай меня...

– Я уже всё поняла, мой режиссер. Жаль, нет сценария. Придется импровизировать.

Босые стройные ножки по-кошачьи мягко шагнули к Тихону. Бархатная ладошка легла на его щеку и проползла по скуле. Тонкие пальцы вцепились в мочку уха и поиграли, губы медленно приоткрылись, обнажив верхние зубки. В следующее мгновение голубые глаза девушки заволкло легким туманом, она привстала на цыпочках и обвила шею парня гибкими руками. Ее мягкие губы быстро накрыли его рот и жадно задвигались. Грудь расплющилась о торс парня.

Заколову, замороженному красивым натиском, не сразу удалось произнести следующую фразу:

– Уф... Лариса, я не это имел в виду.

– Тебе надо чаще бриться, – шепнула девушка, прижавшись щекой к его щеке.

– Лариса...

– Не отвлекайся. – Ее язык лизнул его губы.

– Лариса, произошло убийство. – Заколов жестко снял руку девушки. Она вздрогнула и отшатнулась. – Только что убили моего школьного друга. Прямо в госпитале.

Девушка непонимающе таращилась на него.

– Ты серьезно?

– Абсолютно.

– Какой ужас!

– Но это еще не всё. Преступник задушил медсестру, которая, как я предполагаю, видела его.

– Его поймали?

– Нет.

– Но убийца известен?

– Нет. Поэтому я прошу тебя, изобразить эту медсестру.

– Зачем?

– Сейчас объясню. Труп Кати, медсестры, никто кроме меня не видел. Я распространил информацию, что она выжила и отлеживается дома.

– А я здесь при чем?

– Если убийца узнает, что свидетель выжила, он обязательно захочет расправиться с ней вновь. И ты должна сыграть ее.

– То есть, ты хочешь, чтобы я стала приманкой для безумного маньяка?

– Он не безумный маньяк. Он расчетливый убийца.

– Замечательно! У тебя особый дар успокаивать! – Лариса всплеснула руками. – Расчетливый убийца придет и набросится на меня.

– Это было бы идеально. Тогда он точно себя выдаст.

– Ничего себе перспективка! Хорошенькую роль ты для меня приготовил.

– Не бойся, я буду рядом.

– Уже дрожу! – Лариса прошла к трюмо и выключила радиоприемник.

– Ты отказываешься? – угрюмо спросил Тихон.

– Подожди. – Лариса нервно сцепила пальцы. – Но он же поймет, что я – это не она!

– Об этом не беспокойся. Убийца знает, что медсестра находится в плохом состоянии. Ты будешь лежать под одеялом и изображать спящую. Свет будет выключен, шторы задернуты.

– И где это должно произойти?

– На квартире медсестры. Я сообщил, что везу ее домой. Надо спешить. Ты согласна?

Девушка вновь приблизилась к Тихону, пощупала его развитый бицепс.

– А ты справишься с моей защитой? У тебя есть оружие?

– Я возьму что-нибудь тяжелое, спрячусь и оглушу его.

– А если убийца увернется?

– Я серьезно занимался боксом и умею драться.

– Это меня, конечно, радует, но...

– Лариса, ты готова мне помочь? Если нет, я уйду.

– Хорошо-хорошо. – Девушка засуетилась. – Как выглядела медсестра?

– Ростом, как и ты, только сутулится, волосы каштановые короткие и вот здесь родинка.

– Крупная?

– Со спичечную головку.

– Выходи на улицу и жди меня. Я быстро.

Тихон покинул здание гостиницы и облокотился на крышу автомобиля. Время от времени он бросал взгляд на двери, нервно поглядывая на часы. Преступник ждать не будет. Как только он узнает, что медсестра выжила, то вновь попытается ее убить. Екатерина Гладкова представляет для него огромную опасность. Ее он стремился уничтожить как единственного свидетеля, а вот за что поплатился жизнью Витька Корольков? Эта тайна больше всего тревожила Тихона.

Однако если убийца проглотил наживку, то сегодня роковой секрет будет раскрыт.

14. Западня

По каменным плиткам застучали каблучки. Тихон обернулся. Из гостиницы вышла стройная шатенка в легком платье, с шейным платком и крупными солнцезащитными очками. На ее плече болталась бежевая дамская сумочка в тон босоножек. Шатенка осмотрелась и уверенно направлялась к Тихону. «Уж, не принимает ли она меня за таксиста», – подумал он. Когда девушка подошла ближе, озадаченный Заколов заметил у ее носа родинку, точно такую же, как у погибшей Екатерины Гладковой.

Незнакомка остановилась напротив Заколова, снисходительно склонила голову.

– Ты говорил, что мы спешим.

Тихон с удивлением узнал голос Ларисы.

– Ты?

– Я же учусь на актерском. Захватила с собой в поездку кое-какой реквизит. Люблю перевоплощаться.

– Логично, – выразил восхищение Тихон.

Еще раз, взглянув на темно-коричневый пупырышек, который совсем не портил уверенную Трушину, он с горечью подумал, что закомплексованная Гладкова, так и не успела избавиться от мелкой родинки, омрачавшей ей жизнь.

Дорога к дому медсестры оказалась короткой. Остановившись у подъезда, Тихон попросил Ларису надеть белый халат, прежде чем выходить из машины.

– Держись за меня и изображай больную. Если за подъездом наблюдают, преступник не должен догадаться о подмене.

Они поднялись на последний четвертый этаж. Хотя прошло несколько лет, он не перепутал адрес. Лепестки ключа скользнули по бороздкам, мягко хрустнул механизм, дверь послушно открылась. В отличие от гостиницы, из квартиры пахло домашним уютом. Вчера здесь его ждали. Сегодня будет ждать он. Но рассчитывать, что нынешнее свидание окажется приятным, не приходилось.

Тихон, не включая света, осторожно обследовал двухкомнатную квартиру и распорядился:

– Проходи сюда, ложись в кровать и изображай спящую. Тебе очень плохо после пережитого стресса.

– Я помню, мой режиссер.

Лариса скинула босоножки, поправила парик и прямо в платье юркнула под одеяло. Каштановые волосы хорошо выделялись на белой подушке, родинка рядом с носом сразу бросалась в глаза.

– То, что надо, – похвалил Тихон.

– А где будешь? ты.

– Спрячусь в туалете. Дверь в квартиру я оставляю незапертой. Если убийца придет, он направится в спальню. Я подкрадусь сзади и обезврежу его.

– Тихон, ты обещал вооружиться.

– Веревка у меня есть. И на кухне что-нибудь тяжеленькое прихвачу.

– А ты не заснешь?

– Ну что ты. Как только преступник коснется тебя, я ударю его по голове и скручу руки.

– Успеешь? – продолжала беспокоиться Лариса.

Тихон вздохнул и присел на край кровати.

– Ну конечно. Я не допущу, чтобы с тобой что-то случилось. – Он увидел яркие ногти девушки. – Спрячь руки. У Кати не было маникюра.

Руки девушки, потянувшиеся было к Тихону, нехотя исчезли под одеялом.

– Она тебе нравилась?

– Лариса, сейчас не до этого.

– Значит, нравилась, – насупилась девушка.

Тихон помолчал, потом решил объяснить.

– Катя была одной из моих одноклассниц, о которой я почти не вспоминал до приезда в город. Ты, часто вспоминаешь своих школьных друзей?

– Я люблю новые ощущения. – Пальцы девушки через одеяло сжали запястье парня.

– Всё. Лежи тихо. Я уйду.

– Только выполни мою просьбу, – встрепелась Лариса. На молчаливый вопрос, она ласково прошептала губами цвета спелой черешни. – Поцелуй меня.

Тихон вспомнил возбуждение, охватившее его при поцелуе в гостинице, и понял, если сейчас их губы и руки сплетутся, он не сможет проявить былую твердость характера.

– Только в щечку, – решил он, чмокнул и тут же встал. – Больше разговаривать нельзя. Нас могут подслушать.

Заколов удалился на кухню в поисках тяжелого предмета. В холодильнике он обнаружил бутылку «Советского шампанского». Видимо, Катя возлагала на встречу с ним большие надежды. Тихон приподнял бутылку. Слишком тяжела, так и без преступника можно остаться. Из выдвижного ящичка он взял скалку для раскатывания теста, и спрятался в узеньком туалете.

Время шло. Заколов сидел в крошечной темноте и перебрал возможных кандидатов на роль убийцы Виктора и Екатерины. Умственное занятие не приносило внятного результата. Он вынужден был признать, что не обладает достаточной информацией. В какой-то момент он почувствовал, что клует носом. Тихон встал, протер глаза, покрутил шеей. Почему убийца не спешит? Может, его план провалился, преступник уверен, что сработал четко, и сейчас посмеивается над ним?

Тихон хотел уже выйти из туалета, как неожиданно раздался короткий дверной звонок. Заколов напрягся. Звонок прозвучал во второй раз, а затем кто-то медленно открыл входную дверь.

Тихон поднял колотушку, лежавшую на полу, и сжал ее твердой рукой. Из коридора послышались осторожные шаги. Кто-то молча шел по направлению к комнате, в которой лежала Лариса. Как там она, готова ли к встрече с опасным преступником? Тихон взялся за ручку дверцы и с сожалением вспомнил, что забыл проверить ее на скрип. Мелочь, на которую не обращаешь внимания в повседневной жизни, может стать роковой в схватке с убийцей. Была, не была! Рука повернула замочек и тихо толкнула дверцу. Верхняя петля издала тонкий писк.

Он не сможет незаметно выйти из туалета! А еще старый пол. Если расшатанный паркет скрипит под убийцей, то выдаст и его шаги!

Надо решать. Или дожидаться крика Ларисы, когда преступник окончательно проявит свои намерения, или сразу бежать ей на помощь. Как бы не были крепки нервы девушки, она обязательно закричит. Успеет ли он после этого спасти ее? А вдруг она заснула? Тихона прошиб холодный пот. Он уговорил девчонку участвовать в опаснейшей авантюре, и не может обеспечить ее безопасность.

Ждать нельзя!

Больше не таясь, Заколов толкнул дверцу и побежал по коридору со скалкой наперевес. В спальню он ворвался вовремя. Убийца в военной форме уже хищно склонился над кроватью. Услышав непрощенный топот, он порывисто обернулся. На Заколова смотрели колючие злые глазки. Тихон опешил. Уж кого-кого, а этого человека он никак не ожидал здесь увидеть.

15. Ночная погоня

Мгновения замешательства хватило военному, чтобы дать отпор появившемуся невесте откуда студенту. Он набычился и с разбегу боднул круглой головой Тихона в грудь. Хрястнули ребра. Молодой человек охнул и шлепнулся на пол. Деревяшка вывалилась из разжавшихся пальцев и откатилась под кровать. Лариса испуганно взвизгнула. Она сжалась, пытаясь защититься одеялом. Преступник метнул взгляд на поверженного парня, истеричную девицу и выбежал из комнаты.

Тихон уже корил себя за секундную слабость. Чему он удивился? Катя утверждала, что этот офицер бывал в Афганистане, а значит, мог встречаться там с Корольковым. И в госпитале он свой человек. Он полностью контролировал лечение Королькова. Сначала ничего не предпринимал, ждал естественной смерти пациента от ранения. Когда ее не последовало, для отвода глаз, провел вынужденную операцию. В присутствии ассистентов он не посмел зарезать раненого. После операции он понял, что Корольков обязательно пойдет на поправку. Это в его планы не входило. И тогда он безжалостно расправился с ним, используя медицинское оборудование. Затем хладнокровно избавился от свидетеля. Катя полностью доверяла ему и ничего не подозревала вплоть до последних секунд своей недолгой жизни. Циничный убийца был в коридоре, когда Тихон сообщил, что Катя Гладкова в его машине. Новость его ошарашила. Сдерживая страх, он дождался, когда можно будет проверить, на месте ли тело медсестры. Там его не оказалось. И сейчас он явился сюда, чтобы добить девушку.

Но у него ничего не получится! Маска сорвана. Теперь убийца не уйдет!

Заколов вскочил на ноги и устремился за хирургом Шаповаловым. Вопреки его ожиданиям, Евгений Андреевич не выбежал из квартиры, а юркнул на кухню. Послышался металлический звон. Когда Тихон ворвался в тесную кухоньку, его встречал вооруженный ножом противник.

Схватка так схватка. Есть возможность поквитаться. Былая нерешительность студента осталась в прошлом. Он рывком поднял табуретку и наотмашь ударил ею по вытянутой руке Шаповалова. Нож выпал. Тихон навалился на хирурга, опрокинул его и заломил руки за спину.

– Сволочь! – брызгал слюной Шаповалов, прижатый к полу.

– Побухтите, теперь можно.

Хирург отчаянно ерзал по полу, но, осознав, что каждое движение отдается нешуточной болью в вывернутой руке, перестал дергаться.

– Так то лучше. Режущими предметами надо на работе пользоваться.

Тихон достал веревку и скручивал ею толстые запястья хирурга. Он собирался задать свой главный вопрос, как вдруг услышал точно такие же слова, обращенные к нему.

– Зачем ты убил Королькова? – просипел Шаповалов.

– Какая наглость, Евгений Андреевич! – воскликнул Заколов. – Виктор мой друг. Это вы его убили!

– Я сделал ему операцию. Я боролся за его жизнь!

– А потом прикончили электротоком.

– Бред! Я хирург... Я борюсь за жизнь каждого пациента.

– Хватит врать! – Заколов едва сдерживал себя. – Доказательства налицо. Вы пришли сюда, чтобы убить Екатерину!

Шаповалов смолк. Тихон проверил узел и встал с поверженного противника. Главный хирург вывернул круглую голову и удивленно таращился снизу вверх на Заколова.

– Я пришел ее проведать.

– Ну конечно! Придушить, а не проведать.

– Как можно... Она сотрудник моего отделения. Я беспокоился о ней.

– Не выдумывайте! Вы хладнокровно задушили доверчивую девушку.

– Я к ней даже не притронулся. Катя, подтверди! – крикнул хирург.

Заколов, сжав кулаки, наклонился к нему. Циничная ложь убийцы ему была противна.

– Заканчивайте концерт, а то я за себя не ручаюсь, – сквозь зубы предупредил он.

– Катя, – плаксиво звал Шаповалов.

– Ее здесь нет. Вы задушили ее еще в госпитале. К сожалению, у вас сильные руки. Она не выжила.

– Что?! Где Катя? – в глазах Шаповалова вспыхнуло неподдельное отчаяние.

– Раскалялись. – Заколов силой поднял и усадил хирурга на табурет.

На кухню осторожно заглянула босая Лариса, включила свет. На ней был всё тот же каштановый парик и искусственная родинка. Евгений Андреевич смотрел на переодетую девушку расширенными глазами, в которых перемешалось огромное удивление и нешуточный испуг.

– Что это значит? Где Екатерина?

– Мне надоел ваш спектакль!

– Но я... я не понимаю...

– Ее тело осталось в госпитале. Рядом с тем местом, где вы ее спрятали. На чердаке, под крышей! Она лежит там, как выброшенная кукла! Вы это хотели узнать?!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.